

ЛИСАВЕТА
ЧЕЛИЩЕВА

18+

ТЫ МОЙ ДИАНОЗ
ПСИХ

Лисавета Челищева

Псих. Ты мой диагноз

<https://litres.ru/73544277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для фитнес-тренера Ланы привычный мир рухнул полгода назад. Кто-то невидимый следит за каждым её шагом: оставляет записки в квартире, проникает в дом, когда она моется в душе, и жестоко наказывает каждого, кто осмелится к ней прикоснуться. Полиция бессильна, близкие — под угрозой. Единственное, что остаётся девушке — пытаться не сойти с ума от страха и учиться жить под прицелом невидимых глаз.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	42
Глава 8	51
Глава 9	61
Глава 10	80
Глава 11	94
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Лисавета Челищева

Псих. Ты мой диагноз

Глава 1

ОН

Раннее утро в Москве, Битцевский парк. Я стоял за стволом старой липы, наблюдал, как она бежит по асфальтированной дорожке. Влажный воздух охлаждал лицо, пахло прелой листвой и выхлопами с далекого Варшавского шоссе — здесь даже лес не спасает от вони большого города.

Ее темные волосы разлетались по плечам, мокрые от пота у висков. Щеки горели румянцем после пятого километра. Тонкий спортивный топ, насквозь промокший, облепил грудь так, что я видел каждое движение мышц под тканью. Черные леггинсы с высокой талией — эти девчонки из фитнес зала теперь все в таком ходят.

Кровь ударила в голову так резко, что на секунду потемнело в глазах. И ниже — тоже. Тесные джинсы стали невыносимы, пришлось глубоко вздохнуть и отвернуться, чтобы справиться с внезапным желанием.

Я прислонился спиной к шершавой коре, закурил, при-

кривая огонь ладонью. Ветра почти нет, только утренняя сырость. Москва просыпалась где-то там, за деревьями, гудели первые машины, но здесь, в глубине парка, было тихо.

Боже, какая же она красивая. Моя девочка.

Сегодня она была не одна. Три ее подруги — эти московские фитоняшки, у которых спонсоры меняются чаще, чем абонементы в зал. Одна из них, долговязая блондинка, специально подставила подножку, когда поравнялась с Ланой. Та кубарем покатила по траве, прямо в росу.

Я дернулся было, но остался на месте. Не время светиться.

— Дура! — Лана захохотала, отбиваясь от подруги, которая навалилась сверху. — Ты мне все время сбива! Я две недели к этому километражу шла!

Она скинула блондинку, вскочила на ноги. Леггинсы на коленях промокли и потемнели, к бедру прилипла мокрая листва. Лана стряхнула ее, потом потянулась, выгибая спину и откидывая голову назад. Топ задрался, открыв полосу живота — гладкого, влажного, с дорожкой пота, уходящей вниз, под резинку штанов.

Если бы она знала, что я для нее приготовил на сегодня. После той ночи она смотрела на меня иначе. Неделю не выходила на улицу, а потом сменила замки. Я проверял — старые ключи больше не подходят. Но это ничего не меняет.

Она стояла, тяжело дыша, запрокинув голову. Пар изо рта таял в воздухе — утро уже холодное, конец сентября. Солнце только начинало золотить верхушки сосен.

Я докурил, затоптал бычок в землю.

Подруги Ланы затрусили дальше, к выходу из парка, к метро, но она задержалась. Стянула с запястья резинку, собрала волосы в хвост. На секунду замерла, повернув голову в мою сторону.

Я затаил дыхание. Она смотрела прямо на кусты, за которыми стоял я. Глаза — зеленые, глубокие, с кошачьим разрезом — скользили по листве.

— Я знаю, что ты там, — сказала она негромко. Голос сел после бега, мягкий такой, с хрипотцой.

Я усмехнулся. Ну давай, малышка. Найди меня.

— Или я уже совсем и разговариваю с деревьями, — она покачала головой, усмехнулась своим мыслям.

— Лана! — донеслось издалека. — Ты идешь?

— Иду! — крикнула она в ответ, махнула рукой и побежала догонять подруг.

Солнце блеснуло на горизонте — на секунду что-то блеснуло в траве.

Я ждал, пока их голоса стихнут совсем, и только тогда вышел на тропинку. Присел на корточки, раздвинул пальцами мокрую траву. Цепочка лежала прямо там, где она упала, — застежка стерлась до дыр за эти годы.

Я поднял кулон. Старая вещь, еще с универа. Волейбольный мяч на серебряной цепочке. Металл потемнел от времени, но в моей ладони смотрелся как драгоценность.

Я улыбнулся, сжал кулак, чувствуя, как мячик приятно

холодит кожу. Спрятал в карман куртки.

Надо заехать в мастерскую на Таганской, починить. Верну ей сегодня вечером. Может, не в квартиру — она после прошлого раза поменяла замки. Но я знаю, где она оставляет ключи. Знаю, во сколько она ложится спать. Знаю, как пахнет ее кожа после душа, когда она ложится спать.

Я посмотрел на небо, пробивающееся сквозь кроны. Москва просыпалась, вдалеке загудела пробка на МКАДе.

Нужно будет починить цепочку и вернуть ей.

Хотя ей, кажется, и не нравилось, когда я оставлял свои подарки, но я знал: этот она точно оценит.

Скоро я увижу мою девочку.

Глава 2

ЛАНА

— Лан! — Вика заорала так, что, кажется, люстра качнулась. — Ты где? Мы выезжаем через пять минут! Я твою вечную непунктуальность знаю!

Я вздохнула, откидывая волосы с лица, и поднялась с кровати. Сидела в трусах и лифчике, пытаюсь собраться с мыслями. Вика права: с временем у меня беда, особенно в последние месяцы. С тех пор как усилилось это... преследование. Я перестала понимать, какой сегодня день, и где оставила ключи, и выключила ли утюг.

— Иду! — крикнула я в ответ, открывая ящик туалетного столика и начиная лихорадочно рыться.

Мне нужно было найти кулон. Папин подарок, еще с тех времён, когда я в юниорской сборной по волейболу выступала. Он приезжал на каждые соревнования, а эту смешную серебряную подвеску купил в киоске у метро, когда я впервые выиграла серьёзный турнир. Папа уже пять лет как умер от сердечного приступа, а кулон до сих пор со мной. Простая дешёвка, но для меня — всё.

Сегодня в «Mutabor» открытие нового сезона, Вика выбила нам приглашения. Я не собиралась искать там приключо-

чений, просто хотелось выпить, потанцевать, забыться. Она тоже идёт одна, мы типа крутые одиночки.

Я плюнула искать кулон — наверное, в сумке валяется. Напоследок мазнула блеском для губ, окинула взглядом своё отражение в зеркале. Облегающее чёрное платье с открытой спиной, волосы локонами, туфли на шпильке. В спортзале я всегда в форме и без макияжа, а сегодня хотелось почувствовать себя женщиной.

Вышла в коридор, где Вика уже стояла в дверях, нетерпеливо постукивая каблуком.

— Ну? — я покрутилась перед ней. — Как тебе?

Она присвистнула и захлопала в ладоши:

— Шикарно, детка! Все мужики сегодня наши!

Я закатила глаза, рассмеялась, и мы вышли на лестничную клетку. Лифт в нашей девятиэтажке вечно ломался, пришлось топать пешком. Спускаясь, я сдувала с лица выбившуюся прядь. Волосы у меня от природы тёмно-каштановые, а на прошлой неделе чуть не выкрасила кончики в красный — Вика отговорила, сказала, буду как неформалка.

На первом этаже я вдруг остановилась, сунула руку в клатч.

— Чёрт, телефон забыла. Наверху. Я быстро.

Вика театрально закатила глаза.

— Ну конечно! Беги. Как же без телефона в клубе. Я пока машину прогрею. Только быстро, окей? Пробки до центра — жуть!

Я развернулась и побежала обратно, матеря про себя лифт и свою рассеянность. Влетела в квартиру, даже дверь не закрыла, сразу в спальню.

И замерла на пороге.

На моей кровати лежал телефон. И рядом с ним — белый листок бумаги, которого я точно не оставляла. И мой кулон. Цепочка с серебряным мячиком, которую я только что искала, лежала на листке, поблёскивая в свете луны.

Сердце ухнуло вниз.

Я шагнула, протянула руку, развернула записку. Почерк — аккуратный, печатный, будто школьник старался:

«Не забудь это, малыш. И будь осторожна сегодня. Ты же знаешь, как я ненавижу, когда чужие руки касаются тебя».

Воздух в груди кончился. Я зажмурилась, прижала ладонь ко рту.

Нет. Нет, только не снова.

Он был здесь. В моей квартире. Он заходил, пока мы с Викой болтали внизу. Он мог стоять в дверях и смотреть, как я кручусь перед зеркалом в одном белье. Он видел мою спину, мои ноги, то, как я поправляла волосы.

Меня затрясло.

Я знала, что он оставляет записки — в шкафчике в фитнес-клубе, под дворниками моей Киа, даже в почтовом ящике. Я сменила замки месяц назад. Это не помогло. Я ни с кем не встречалась уже полгода — все парни, которые пытались

ко мне подкатить, попадали в дурацкие аварии: то у одного тормоза отказывали, то другого избили у подъезда до полусмерти. Я боялась думать, что это он. Мой личный сталкер, который не показывает лица.

Но толстовку, которую он однажды положил мне в сумку, я оставила. Мягкий черный оверсайз с маленьким вышитым сердечком на груди. Я никогда её не носила на людях, но дома, по ночам, заворачивалась в неё и чувствовала... странный покой. Идиотка.

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение. Надела кулон, пальцы были ледяными от страха. Записку скомкала и швырнула в урну.

— Лана! — донеслось снизу, из приоткрытой двери. — Ты там уснула?

— Иду! — крикнула я, схватила телефон и выбежала, хлопнув дверью.

Всю дорогу до клуба я молчала, даже когда Вика врубил свою дурацкую электронику. Он был в моей квартире. Он видел меня. Может, он следит за мной сейчас? Я оглядывалась на каждой парковке, в каждом зеркале заднего вида.

Ночной клуб «Mutabor» гудел: на входе толпились модно одетые люди, гроыхала музыка, мелькали вспышки айфонов. Мы прошли по спискам, и я сразу нырнула в толпу, надеясь раствориться в грохоте басов и запахе парфюма и кальяна.

Вика тут же ускакала в центр зала, где прыгала пьяная мо-

лодѣжь. А я пристроилась у стены с бокалом просекко, делая вид, что мне хорошо здесь. Сама не понимала, зачем вообще сюда попёрлась. Подруг у меня мало, работать фитнес-инструктором — это постоянный поток людей, но близко я никого не подпускаю. Слишком страшно.

— Эй, зайка, скучаешь? — раздалось над ухом.

Я повернула голову. Передо мной стоял тип — ну типичный столичный мажор: накачанный, загорелый даже в октябре, в дорогом пиджаке, от которого разлило перегаром и Tom Ford. Лицо смутно знакомое, кажется, он пару раз приходил в наш фитнес клуб, пытался снять девочек.

— Потанцуем? — он уже положил руку мне на талию, притягивая к себе. — Или, может, сразу ко мне? У меня тачка на парковке, можем покататься... пообщаться поближе.

Меня передёрнуло. От его пальцев, сжимающих голую кожу на поясице, от его липкого взгляда, скользящего по вырезу платья.

— Руку убери, — сказала я как можно холоднее. — Найди себе кого-то другого.

Но он лишь усмехнулся и прижал меня к стене сильнее. Я упёрлась ладонями ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он был тяжелее. Щекой я чувствовала его дыхание, пахло спиртным. Ногами в туфлях я скользила по полу, не находя опоры.

— Ну чего ты ломаешься? — прошептал он, наклоняясь к моему уху. — Я тебя быстро разогрею...

— Отвали! — я попыталась ударить его коленом в пах, но он ловко заблокировал бедром.

И тут в толпе кто-то резко качнулся, задев мажора плечом. Он охнул, дёрнулся, и я почувствовала, как его пальцы резко разжались на моём локте. Он схватился за бок, и я увидела, как на его белой рубашке стремительно расплзается тёмное пятно.

Я отшатнулась, сползая по стене. Колени подкосились.

Вокруг завизжали, заметались люди, охрана начала ломиться сквозь толпу. А я смотрела в сторону, туда, где было темнее всего. Вспышка стробоскопа выхватила на мгновение тёмный силуэт. Мужчина в чёрном стоял неподвижно. Глядя на меня.

Это был он. Тот, кто оставляет записки, кто проникает в мою квартиру. Я видела, как на рубашке мажора расплзается пятно, и понимала: этот человек способен на всё. Я хотела закричать, но горло сдавило спазмом.

Он заступился за меня. Он убил бы за меня.

И от этой мысли — дикой, ужасной — меня затрясло ещё сильнее. Я вдруг представила, как его руки — сильные, жесткие — сжимают мое горло. Что ему от меня нужно? Как долго это будет продолжаться?

Огни погасли. Завизжала сигнализация. А я так и сидела на полу, глядя в пустой темный угол.

Глава 3

ОН

Моя ярость схлопнулась в кулак, как только я увидел, как она отшатнулась от этого хорька. Быстро вырубил рубильник за сценой — старая привычка, знал, где стоит щиток, еще когда мы сюда с бригадой заходили на стрелку год назад. Клуб утонул во тьме, заорала сигнализация, но я успел заметить: она подняла глаза. Увидела меня. На долю секунды, но увидела.

Твою мать.

Она была прекрасна. Темное платье облепило фигуру, влажную от пота в этой духоте, волосы разметались по голым плечам. Синий свет стробоскопа выхватил ее лицо — испуганное, такое красивое.

Я представил, как сжимаю эти густые волосы в кулаке, тяну на себя, заставляю запрокинуть голову и открыть горло для поцелуя. Или не для поцелуя.

Она знала, что я буду смотреть. Моя девочка может делать вид, что не замечает меня в парке, в продуктовом, у подъезда, но внутри — внутри она ждет. Ждет того, кто захочет ее по-настоящему. Сильно. До боли.

Эта мысль ударила в пах, разлилась горячей волной.

Я выбрался из клуба через черный ход, за спиной орали люди, кто-то вызывал скорую. Этот тип, что к ней полез, — я знал таких. Мажор херов, папины деньги, член стоит на каждую юбку. Руки распускает, думает, что ему всё сойдет. Я видел, как он сжал ее голую талию своими потными лапами, и во мне щелкнуло. Холодно, четко.

Только я имею право ее касаться.

Я вышел на улицу, закурил, привалившись к стене соседнего здания. Ноги слегка дрожали — адреналин. Москва гудела: где-то на третьем кольце сигналили, ветер нес гарь и запах мокрого асфальта. Осень. Мое любимое время.

Я глубоко затаился, представил ее лицо: как она смотрела на меня из темноты. Глаза — зеленые, огромные — распахнуты, губы приоткрыты. Она испугалась. И возбудилась. Я видел это, я всегда это вижу. Она чувствует мою силу, даже когда не хочет признавать этого.

Зазвонил телефон в кармане. Номер неизвестный — это странно. Мой номер чист, его нет в базах, я меняю симки раз в месяц. Такое бывает только если кто-то из очень старых знакомых достал его через общих.

— Да, — сказал я в трубку, отходя от стены и двигаясь к машине. Нужно сваливать, пока мусора не наехали.

— Клим, это Борис. В общем, дело есть одно. Серьезное. Борис. Старый кореш, вместе в девятом цехе начинали, крышу держали. Потом я отошел от дел, слишком много шума стало, а он остался. Сейчас, наверное, уже при бабле, но

мозги те же.

Я хмыкнул, садясь в свой Ленд Крузер. Салон пах кожей и ее духами — я держал в бардачке ее духи. Взял у неё полгода назад. Опрыскивал салон, когда становилось совсем невмоготу.

— Борис, ты охренел? — сказал я спокойно, заводя двигатель. — Я на покое. Сам решаю свои проблемы. Я сейчас занят другими делами.

— Клим, послушай. Бабки хорошие. И потом, ты должен мне за тот год, когда я тебя закрыл от ментов после того случая в Белграде.

Черт. Он умел давить. Я помолчал, глядя, как к клубу подъезжают две машины с мигалками.

— Диктуй адрес. Но если это подстава, я тебя найду. Даже через десять лет.

Я сбросил звонок и откинул голову на подголовник. Закрыв глаза. Перед глазами — она. Лана. Как сидит на полу, прижимая руки к груди, как дрожат ее длинные ноги в этих дурацких туфлях на шпильке. Хочется подойти, поднять, прижать к стене всем телом, вжать в холодную штукатурку так, чтобы она забыла, как дышать, чтобы почувствовала, чья она. А потом поцеловать. Жёстко, требовательно.

Но нельзя. Ещё рано.

Я завел машину и вырулил со стоянки. Проехал мимо клуба, сбросил скорость. Она как раз выходила — ее вела под руку какая-то подруга, кажется, Вика. Лана шаталась на каб-

луках, кутаясь в чью-то куртку, накинутую на плечи. Лицо белое, губы что-то шепчут подруге.

Моя бедная девочка. Напугалась последствий своего влияния на меня.

Глава 4

ЛАНА

Когда подъехала полиция, я физически ощутила, как люди начали отворачиваться. Их взгляды направлялись ко мне — тяжелые, липкие, как то самое чувство вины, которое я таскаю в себе уже полгода.

Мне хотелось сжаться в комок, зарыться лицом в колени и исчезнуть.

Они все молча обвиняли меня в том, что случилось с тем парнем? Или просто шарахались, потому что прослышали про мою репутацию? В нашем районе все друг про друга знают. Сплетни разносятся очень быстро.

У меня правда была дурная слава. Любой парень, который ко мне подкатывал, обязательно вляпывался во что-то. И сегодня случился самый худший из исходов.

Я знала, почему это происходит. И это знание душило меня по ночам хуже любого удавки.

Я ненавидела его. Ненавидела так сильно, что сводило челюсть. Но этот страх был таким всепоглощающим, что иногда мне казалось — я схожу с ума.

— Девушка, Вы как сами? — ко мне подошел полицейский, молодой, с усталыми глазами. — Нам нужно проехать

в отдел, задать Вам парочку вопросов. Вы были ближе всех к пострадавшему.

Я подняла на него глаза. В голове гудело после музыки и адреналина.

— Пострадавший... Как он?

— Увезли на скорой в реанимацию. Так Вы готовы проехаться с нами?

— Это надолго? — спросила тупо. В горле пересохло. — У меня... мне просто через полчаса надо быть дома.

Чушь собачья. Просто хотелось забиться в свою нору и не вылезать где-то неделю.

Полицейский кивнул как-то странно, всмотрелся в мое лицо.

— Если дома есть кто-то из родных, кого нельзя оставлять, можем проехать к Вам. Вопросов немного, для протокола. Я, кстати, Вашу маму знаю. Ирина же, да? Мы с её отделом работали на продовольственной ярмарке в прошлом месяце.

Я кивнула на автомате. Мама работает в собесе, у неё вечно эти ярмарки, акции для пенсионеров. Но если она увидит меня в компании ментов — у неё точно сердце прихватит. Она и так замучилась со мной в последние месяцы, всё спрашивает, почему я такая дерганая.

И вот так я оказалась на заднем сиденье патрульной машины. Мы ехали по Варшавке, мимо спальных районов, круглосуточных магазинов и вечно горящих окон многоэтажек.

В салоне пахло лимонным освежителем и какой-то едой. Я смотрела в стекло и не видела ничего, кроме своего отражения — бледного, с размазанной тушью.

Он сделал это. Опять.

Он чуть не убил того парня... Боже, какой же он изверг. Я не до конца осознаю свой дичайший страх перед ним. Наверное, мозг спасет меня. Из-за него я скоро свихнусь окончательно.

И вторая мысль, которая пришла сразу следом: мама будет сильно переживать, когда увидит полицейскую машину у нашего подъезда. Мы живем в одном доме. Только я этажом выше. Но после этой ночи, оставаться одной в своей квартире — я точно не смогу.

Мы остановились у нашей девятиэтажки на Профсоюзной, я вылезла и поплелась к подъезду, чувствуя себя нашкодившей школьницей. Дверь открыла мама — платок накинут на плечи, волосы растрепаны, в глазах паника.

— Лан, что случилось? — она сразу обняла меня, ощупывая взглядом, не ранена ли.

Полицейский шагнул вперед, и я увидела, как его лицо буквально преобразилось. Он уставился на маму, как голодный пёс на сосиску. Да, моя мама была очень хороша собой и совсем не выглядела на свои пятьдесят лет.

— Здравствуйте, Ирина. Простите за столь позднее беспокойство. Но в одном клубе произошел инцидент, Ваша дочь была рядом, мы хотели опросить её здесь, чтобы не тащить

в участок.

Пока он говорил, он пялился на вырез её халата. Меня чуть не вывернуло от мысли, что какой-то мент сейчас будет клеить мою маму, пока у меня в голове творится бог знает что.

Я приподняла бровь, глядя на маму. Несмотря на шок после случившегося, меня проняло лёгкое раздражение от того, как зарозовели её щеки.

— Если хочешь обратно лечь спать, мам, ложись. Я сама тут справлюсь. Но вы, кажется, знакомы с... — я покосилась на погоны, — товарищем лейтенантом?

— О, — выдохнула она, и на лице появилась эта её дурацкая вежливая улыбка. — Вы брат Михаила! Я Вас на ярмарке видела месяц назад. Спасибо большое за помощь с охраной тогда.

Он кивнул, расплываясь в улыбке.

— Пустяки, обращайтесь.

Мама стрельнула в меня глазами.

— Я пойду поставлю чайник. Проходите пока в гостиную.

Я кивнула, и она упорхнула, шурша халатом. Я нервно выдохнула и пригласила «гостей» в гостиную.

Двадцать минут допроса. Видели ли Вы кого-то подозрительного? Разговаривал ли с Вами потерпевший? Как давно Вы знакомы? Что он Вам говорил?

Я отвечала спокойно, глядя в стол. Нет, не видела. Нет, не знакома. Просто пристал, я его отшила. Нет, ничего не

заметила.

К концу разговора я уже вырубалась. Глаза слипались, в висках стучало.

— Извините, что задержали, — наконец сказал тот, второй, поднимаясь. — Идите отдыхайте. А то уже носом клюете.

Они пошли к выходу, но лейтенант, который пялился на маму, задержался в прихожей и обернулся ко мне.

— Слушай, а передай своей матери... Ирине... — заискивающе улыбнулся он, говоря шепотом: — Если она захочет как-нибудь... ну, поужинать там... меня Егор Андреев зовут. Меня в местном участке найти можно. Скажи, что я спрашивал, как у неё дела.

Егор, блин. Какой ещё ужин?

Я захлопнула дверь прямо перед его носом и прислонилась к косяку лбом.

Господи, за что мне всё это.

Я слишком устала. Просто слишком.

Я поплелась наверх, в свою квартиру, чтобы взять пижаму и зубную щетку.

Толкнула дверь спальни и замерла, боясь поднять глаза. Один раз в неделю, уже полгода, он оставлял мне знак. Записку, подарок, какую-то свою дичь. Я не хотела этого видеть. Не сегодня. Молю, боже, пусть на моей кровати ничего не будет.

Я медленно подняла глаза.

На подушке лежал белый лист.

Я тихо подошла, взяла в руки. Пальцы дрожали так сильно, что бумага ходила ходуном.

Почерк аккуратный, печатный:

«В следующий раз, когда пойдёшь в клуб, не выставляй себя так. Каждый мужик в зале пожирал тебя глазами в этом платье.

Ты моя. Не смей забывать. Если кто-то ещё посмеет тебя коснуться, ты теперь знаешь, что с ним будет.

И запомни. Если ты расскажешь обо мне хоть одному человеку — ментам, подруге, матери, — я узнаю. Я всегда узнаю. И ты будешь жить с мыслью, что это из-за тебя они исчезли. Навсегда. Потому что ты не смогла держать язык за зубами.

Ты понимаешь, малыши?

Никому. Ни слова о нас».

Бумага выпала из рук.

Меня затрясло. Сначала руки, потом плечи, потом всё тело — крупной, неконтролируемой дрожью, от которой свело скулы.

Он знает, как зовут мою маму и где она живет. Он знает про отчима. Он знает про Вику.

Он следит не только за мной. Он следит за всеми, кто мне дорог.

Я согнулась пополам, прижимая руки к животу. Меня вырвало — прямо на пол, желчью, потому что во мне был толь-

ко алкоголь. Я стояла на коленях, вытирая рот тыльной стороной ладони и тряслась.

Ненавижу.

НЕНАВИЖУ.

Я зажала рот рукой, чтобы не заорать в голос. В груди все клокотало — страх, злость, отчаяние, всё вместе.

Что мне делать? Что я могу сделать?

Если пойду в полицию, он убьёт их. Если останусь с ним — он убьёт их всё равно, если я сделаю что-то не так. Я в ловушке. В клетке, которую он построил вокруг меня по кусочку, месяц за месяцем.

Я смотрела на свои руки — они всё ещё дрожали. Когда-то сильные руки, волейбольные. Руки, которыми я когда-то подавала мяч так, что соперницы не могли принять. Руки, которыми я могла бы задушить эту мразь, если бы знала, кто он.

Но я не знаю.

Я даже не знаю, почему он выбрал меня.

Я кое-как доползла до ванной. Мне нужно было смыть с себя этот клуб, этот пот, этот страх. Я влезла под горячий душ, включила воду на полную, чтобы смыть эту гадость с кожи.

Я стояла под струями, закрыв глаза, и думала. Думала о маме. О Вике. Об отчине, который, хоть и не родной, всегда был ко мне добр.

Я не дам ему их тронуть. Пусть только попробует подойти

к ним — я сделаю всё, чтобы он пожалел.

Я простояла под водой минут сорок, пока кожа не покраснела, а мысли не перестали давить. Вылезла, закуталась в полотенце. Пошла в спальню, так как из приоткрытого окна тянуло сквозняком — я открывала, чтобы пар вышел. Закрыла раму, достала рюкзак для вещей. Кинула туда пижаму, несколько футболок и домашние штаны. Думаю, побуду у мамы пару дней. Возьму отгул на работе. Приду в себя.

Оставалось только взять зубную шутку.

Я зашла в ванную, повернулась к раковине.

И застыла.

Моего платья, которое я оставила лежать на корзине для белья — не было.

Оно исчезло.

А на его месте, на сложенном полотенце, лежал аккуратный листок бумаги.

Там был только номер телефона. Одиннадцать цифр, написанных тем же почерком.

Я уставилась на них, и сердце ухнуло вниз, в живот, в самую глубину.

Номер.

Он хочет, чтобы я написала. Или позвонила.

Он был здесь. Он смотрел, как я моюсь. Он взял мою одежду — наверное, прижался к ней лицом, вдохнул мой запах.

А теперь он ждёт.

Я сжала листок в кулаке. В голове пронеслось: мама, Вика, отчим. Его угроза.

Я не позволю ему контролировать себя.

Я схватила рюкзак, закрыла квартиру и побежала к маме. В безопасность. Я очень надеялась, что в безопасность.

Когда запирала дверь, оставила ключ в замочной скважине. Почему-то так было спокойнее.

Посмотрела в глазок...

Никого. Пустая лестничная клетка. Боже, если бы сейчас хоть тень, хоть кошка пробежала бы там — я бы стала седой. Клянусь.

В своей старой комнате, я забилась в мягкое кресло, работая над своим дыханием.

Вдох. Выдох. Повтор.

Успокоившись, я взяла телефон, набрала номер с листа, но больше ничего с ним не делала. Просто сохранила. Чтобы знать. Чтобы быть готовой.

Упала на кровать, свернулась клубком и просто лежала, прислушиваясь ко всем звукам.

Я посмотрела на свои руки — они всё ещё дрожали. Когда-то сильные руки, волейбольные. Руки, которыми я когда-то подавала мяч так, что соперницы не могли принять.

Я не дам ему их тронуть. Я остановлю его. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 5

ОН

23:35

Я стоял в тени тополей напротив её подъезда, когда патрульная машина припарковалась у крыльца. Курил, прикрывая огонь ладонью от мелкого осеннего дождя, и смотрел, как она вылезает с заднего сиденья.

Моя девочка. В этом чёрном платье, которое я ненавидел и обожал одновременно. Ненавидел — потому что каждый мудака в клубе пялился на её обтянутую задницу. Обожал — потому что только я знал, что под её платьем: какого цвета белье и какое прекрасное там тело.

Мент, который вышел за ней, положил руку ей на локоть. Я сжал бычок в кулаке так, что уголёк впился в ладонь. Запахло палёной кожей. Боль привела в чувство. Но не сразу.

Вовремя руку убрал. Иначе пришлось бы объяснять этому уроду, почему нельзя трогать чужое.

Я видел, как она подняла глаза на окна своей квартиры — третьего этажа, угловая, с балконом, заставленным её дурацкими цветами. Она боялась туда идти. Знала, что я там был. Знала, что я оставил ей подарок.

Я докурил, сплюнул на асфальт и двинулся в обход до-

ма. Дождь усилился, барабанил по козырькам подъездов, по крышам припаркованных машин. Москва пахла мокрым асфальтом и выхлопами — вечная вонь, от которой никуда не деться. Но здесь, во дворах, было тихо: только шум дождя и редкий лай собак.

Я знал этот дом как свои пять пальцев. Знал, в какой квартире живёт пьяница-сантехник, который вечно орёт на жену. Знал, у кого из бабуть бессонница и они курят на балконе в три часа ночи. Знал, где скрипят ступеньки на чёрной лестнице, а где можно пройти бесшумно.

Её окно выходило во двор, прямо напротив моей скамейки. Раньше я часами сидел там, пил кофе из термоса и смотрел, как она двигается по квартире. Как ходит в трусах и майке, поправляя волосы перед зеркалом. Как делает растяжку на коврике, задницей кверху, и я готов был кончить просто от этого вида.

Сегодня окно было приоткрыто — для проветривания после душа. Я усмехнулся. Да она заигрывает со мной!

Дождь помог. Под его шум я бесшумно забрался на дуб, перемахнул на балкон, отдёрнул штору. Щеколда поддавалась с тихим щелчком — я смазывал её неделю назад, когда она была на работе.

В комнате пахло ей. Ванильные духи и кофе. Я глубоко вдохнул, задерживая воздух в лёгких, представляя, что вдыхаю её кожу.

Из ванной лился свет и был слышен шум воды.

Я прислонился к двери, слушая, как вода стекает по её телу. В голове вспыхивали картинки: мокрая кожа, капли на груди, между ног. Как она проводит руками по животу, по бёдрам, как трёт мочалкой спину, запрокинув голову.

Возбуждение накрыло с головой, пришлось сделать глубокий вдох, чтобы не сорваться и не ворваться к ней прямо сейчас. Я закрыл глаза и представил, что это не моя рука, а её. Её тонкие пальцы, которыми она поправляет волосы.

Я слушал воду, слушал её голос и представлял, как вхожу в ванную, как она замирает, глядя на меня испуганными глазами. Как я подхожу, прижимаю её к стене, мокрую, скользкую, чувствуя под ладонями её дрожь. Я наклоняюсь к её уху, шепчу: «Тише, малыш. Ты же знала, что я приду». Она замирает, покорная, и в этом молчании — всё, что мне нужно. Она моя. Без слов, без борьбы. Только я и она, и шум воды.

Я не мог позволить себе окончания. Времени для этого сейчас не было. Но это было лишь прелюдией. Вкус её страха и возбуждения — самый сладкий на свете. И скоро я отхлебну его сполна.

Когда мой пульс успокоился, я привёл себя в порядок, достал из кармана листок и ручку. Написал номер. Одиннадцать цифр, которые она должна запомнить наизусть. Она вышла и направилась в спальню, совсем не заметив меня в темноте коридора. Я тихо шагнул в ванную и положил на сложенное полотенце свою записку.

Взял её одежду — чёрное платье, которое она скинула пе-

ред душем. Поднёс к лицу, вдохнул. Её запах смешался с запахом духов и клуба. Вкуснятина.

Я убрал платье в пакет, который всегда носил с собой. Верну потом. Когда-нибудь. Когда она перестанет быть такой пугливой.

Я подождал пока она зайдет обратно в ванную и спокойно прошествовал в спальню. Вылез в окно, оставив его открытым. Пусть знает. Пусть привыкает, что я всегда теперь рядом.

Дождь хлестал по лицу, пока я шёл через дворы к себе. До моей хаты всего квартал — купил её специально, когда понял, что не могу без неё. Вид на её окна, на её балкон с этими дурацкими орхидеями. Просыпаюсь — смотрю на неё. Иду спать — смотрю.

Я поднялся на пятый этаж, открыл дверь, привычно обшарил взглядом каждую тень. Старая привычка. Когда-то я не мог войти домой, не проверив, не засада ли там. Сейчас чисто, но привычка осталась.

Квартира — огромный зал, переделанный под современный лофт. Минимум мебели, стены в кирпич, панорамные окна. С них отлично видно её дом, если взять бинокль. Иногда я сижу у окна ночи напролёт, пью чай и смотрю, как гаснет свет в её спальне.

Я бросил пакет с платьем на кресло, достал ноутбук. Сел у окна, глядя на тёмные окна квартиры её мамы на втором. Наверное, мать её уже напоила чаем, уложила спать. Моя бед-

ная девочка. Напугалась сегодня.

Телефон лежал рядом. Я смотрел на него, представляя, как она возится с листком, думает, писать или нет. Она напишет. Я знаю её. Любопытство сожрёт её быстрее страха.

Я ждал. Пил чай. Смотрел на часы. На заднем фоне играла музыка из проигрывателя. Linkin Park, кажется.

00:15. 00:30. 00:47.

Телефон неожиданно звякнул.

Я улыбнулся во весь рот. Давно я не испытывал таких интересных эмоций. Спасибо мой детке.

Посмотрел на экран.

«Ты кто?»

Коротко и грубо. Кто учил её манерам?

Сразу пишу ей:

«Единственный, кому ты можешь доверять.»

«Я тебя не знаю, оставь меня в покое!!!!»

Сколько восклицания. Я усмехнулся, откинулся на спинку кресла. Представил её лицо: злое, румяное. Как она кусает губы, набирая эти сообщение. Как сжимает телефон в руках, перечитывая мои ответы.

Заканчиваю улыбаться и засылаю ответочку:

«Ты моя любимая девочка. Я не смогу оставить тебя в покое. Никогда.»

«Скажи своё имя.»

Умоляет? Идеально.

«Клим. Фамилию не скажу. Она все равно когда-нибудь»

станет твоей.»

Я отложил телефон, чувствуя, как сердце чуть разогрелось от такого общения. Теперь она знает. Теперь у меня есть имя в её голове. Она будет думать обо мне, произносить моё имя про себя, привыкать к нему.

Я встал, подошёл к окну. Её окно тускло горело. Ночник. Наверное, лежит, смотрит в потолок и думает. Обо мне. О том, что я сделал с тем мажором. О том, что я был у неё в квартире. О том, что я видел её голой.

Ложусь на диван, чтобы поспать пару часиков, но в голове — картинки, одна другой слаще. Как она спит. Как я подхожу к её кровати. Как накрываю её рот ладонью, когда она просыпается. Ещё не время. Все ещё будет.

Она хочет этого. Просто боится себе признаться. Но ничего, я терпеливый.

Спокойной ночи, моя девочка.

До завтра. Надеюсь, я тебе приснюсь в самых сладких кошмарах.

Глава 6

ЛАНА

Следующим утром меня вырвало из сна «Хозяин леса» группы «Король и Шут». Не люблю эту песню. Поэтому и поставила её на будильник: чтобы гарантированно вскочить и заткнуть источник звука, а не провалиться обратно в сон. Срабатывает безотказно.

Ноги ныли, будто я вчера отыграла пятисетовый матч. Я села на кровати в комнате маминой двушки, заставленной старым сервантом с хрусталём и шкафом, где до сих пор хранятся мои школьные тетради. За окном серое утро, по стеклу стекают капли. Октябрь в этом году выдался дождливым.

Главное не вспоминать, что было вчера. Нет. Тогда все будет испорчено. Тогда я опять буду испытывать... этот ужас.

Я натянула чёрные джинсы, высокие конверсы, уже порядком разношенные, и белую футболку. Великовата, старая, мягкая. В ней хоть немного уютно. После вчерашнего вечера мне хотелось только одного — забиться в угол и не высовываться. Но работа в фитнес-клубе не ждёт.

Волосы распустила по плечам, наскоро мазнула тушью ресницы — на полноценный макияж не было ни сил, ни желания. Схватила телефон с тумбочки и нос к носу столкну-

лась с фотографией в рамке. Мама поставила её сюда давно, я даже перестала замечать.

Я замерла.

Мы все улыбаемся в камеру. Солнечный день, пикник где-то за городом. Папа в камуфляже, мама в цветастом сарафане, прижимается к нему. И я, лет пяти, с дурацкими хвостиками. За нашей спиной — моя бывшая лучшая подруга Аня. Она погибла в аварии десять лет назад.

Я сглотнула. Слишком много смертей. Папа — генерал, нажил врагов, сказали в полиции. Взорвали машину, когда я была совсем мелкой. Мама держалась, сколько могла, но через три года не выдержала — запила. Сейчас уже третий год в завязке. А Аня... просто перебежала дорогу в неподходящем месте, водитель не успел затормозить.

Я резко поставила фото на место. Хватит. На сегодня доза ностальгии и боли исчерпана.

Я выскочила за дверь, влетела в свою старенькую серебристую Kia и рванула в сторону клуба.

Я припарковалась у фитнес-центра на Херсонской, как раз когда начался поток первых посетителей. Утренние совошки тащились на йогу, бодрые пенсионерки — на аквааэробику. В раздевалке пахло хлоркой, потом и кофе из автомата. Я переделалась в форму, стянула волосы в тугий хвост.

В зале было уже людно. Гул голосов, лязг железа, запах каучука от ковриков. Я вышла в зал, чувствуя на себе взгля-

ды. Мужчины, которые приходят не столько качаться, сколько пялиться на девушек. Я привыкла. Просто старалась не обращать внимания.

Ко мне подскочила Ксюша — наша главная админка. Яркая, шумная, в обтягивающих лосинах с леопардовым принтом.

— Ланка! Ты как? — затараторила она, сверкая идеальным макияжем. — Я вчера чуть не поседела, когда ты сказала, что тот мужик в клубе... Ну, этот, мажор который... Он правда в реанимации? Говорят, его прям ножом пырнули рядом с тобой! Ты видела?

— Ксюш, нет. Ничего я не видела. Темно было. Сказала же.

— Ой, да ладно! — она махнула рукой. — Всё равно этот козёл тебя домогался. Поделом ему. Слушай, а у тебя вид какой-то... странный. Спала вообще?

— Плохо, — призналась я. — Кошмары.

Она сочувственно сжала моё плечо. Ксюша — единственная, кто знал про мои проблемы. Не про главное, конечно. Про то, что я немного «с приветом», как она выражалась.

— Держись. Если что, звони в любое время. Пойдём, тут начальница наша опять с проверкой.

Я кивнула и побрела в тренерскую.

День тянулся очень долго. Я провела две персональные тренировки с капризными дамочками, потом была групповая по стретчингу. Тело работало на автомате, а в голове —

сплошной туман.

Я всё время вспоминала его смс. От этого по коже бежали мурашки, и я не могла понять — то ли от страха, то ли от злости.

Во время перерыва, когда я сидела в тренерской и пила остывший кофе из пластикового стаканчика, телефон завибрировал.

Сообщение. Я сохранила его вчера как «Он».

«Ты прекрасно выглядишь в этой чёрной форме. Мне нравится, как ткань обтягивает твои бедра, когда ты делаешь выпады».

Я поперхнулась кофе. Огляделась по сторонам, будто он мог сидеть в углу. В тренерской никого. Только шкафчики и стул с отломанной ножкой.

Руки слегка задрожали, когда я набирала ответ:

«Ты следишь за мной? Ты здесь?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Я всегда там, где ты. Просто ты меня не видишь».

У меня похолодело лицо. Я подошла к окну, выходящему на парковку. Люди, машины, лужи. Никого подозрительного. Высоких мужчин в чёрном — полно. Но вдруг один из них — он?

Следующее сообщение:

«Не ищи. Я рядом, но не приближаюсь. Пока. Береги себя, малыши».

Я выронила телефон на пол.

Домой я ехала в полумраке, давя на газ сильнее обычного. Хотелось одного — забиться в мамину квартиру и не вылезать. Но по дороге меня накрыло.

Москва вечером, мокрая, грязная, с пробками на Варшавке, с бесконечными огнями круглосуточных магазинов и усталыми лицами в маршрутках. Я смотрела на всё это и думала: какого чёрта?

Он написал про выпады. Значит, он был в зале сегодня. Стоял среди этих мужиков, которые пялились на меня. Или прятался в раздевалке, пока я переодевалась.

Я представила это. Чьи-то глаза в щёлку между шкафчиками. Следят за тем, как я стягиваю лосины, как поправляю лифчик, как наклоняюсь, чтобы завязать шнурки. Меня передёрнуло от омерзения.

На светофоре у метро Новые Черёмушки я снова взяла телефон. Набрала сообщение:

«Зачем ты это делаешь? Зачем следишь? Я хочу, чтобы ты ушёл из моей жизни. Оставь меня в покое!».

Отправила. Ответа не было. Минута, две, пять. Я уже въехала во дворы, припарковалась у подъезда. Сидела в машине, смотрела на экран. Тишина.

И вдруг — звонок. Звонил он!!!

Я чуть не заплакала от ужаса. Колебалась несколько гудков. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в салоне. Дрожащим пальцем нажала «ответить», не говоря ни

слова.

Одна секунда. Две. Тишина.

— ...Ты правда хочешь, чтобы я ушёл? — его голос. Тихий, усталый. Без той угрозы, что была в сообщениях.

В животе похолодело, горло стянуло. Его голос!... Это был голос моего главного кошмара.

Я молчала.

— Скажи мне это в глаза. И я оставлю тебя в покое.

Мне показалось, что этот голос может принадлежать мужчине лет тридцати. Не больше.

— Я не знаю, где твои глаза, — выдохнула я в трубку. Голос срывался.

Он усмехнулся. От этой усмешки по спине пробежал холодок.

— Знаешь. Ты просто боишься посмотреть в мою сторону. Но когда-нибудь согласишься. И тогда мы поговорим. А пока... просто живи. Я никуда не денусь. И никого к тебе не подпущу. Даже если ты сама этого захочешь.

В его голосе появилась сталь. Мне стало страшно.

— Ты не имеешь права решать, с кем мне быть!

— Имею. Потому что ты моя.

— Я тебя не знаю! — закричала я в трубку, срывая голос.
— Ты псих! У тебя крыша поехала! Оставь меня в покое!

Тишина. Потом:

— Кричи, малыш. Выпусти пар. Ты сейчас в машине, да?
Одна?

Я оглянулась. В салоне темно, только фары встречной машины скользят по стеклу.

— Откуда ты...

— Я вижу тебя, — просто сказал он. — Сидишь в машине, смотришь на подъезд. И злишься. Ты прекрасна, когда такая. Напуганная и злая.

Я резко обернулась назад, потом по сторонам. Темные дворы, мокрые деревья, чужие балконы. Где он? В какой из этих машин? На какой скамейке? В каком окне?

— Где ты? — прошептала я, чувствуя, как паника сдавливает все внутри. — Пожалуйста...

— Не бойся. Я не трону тебя. Пока. Иди домой, к маме. Тебе нужно поесть и выспаться. И не вздумай брать в руки пистолет. Он тебе не понадобится.

Я замерла. Пистолет???... Откуда он знает про пистолет?! Про папин сейф под кроватью? Об этом знала только Вика и мама. И мой бывший психотерапевт, которому я рассказывала всё несколько лет назад.

— ...Откуда ты знаешь про пистолет? — голос сел до хрипоты.

— Я знаю о тебе всё, Лана. Всё. Каждую твою царапину, каждую ночь, когда ты плачешь в подушку. Я знаю, что ты любишь старые русские рок-группы и ненавидишь, когда тебя будит твой рингтон. Я знаю, какой у тебя размер одежды и что у тебя маленькая родинка на левом бедре.

Меня затрясло. Мелко, противно, от макушки до пят.

— Прекрати!! Заткнись!!!

— И я знаю, — продолжил он, — что иногда, когда ты думаешь обо мне, тебе становится страшно. Очень страшно. Но ещё там есть что-то другое. Я же прав?

— Заткнись! — я зажала рот рукой, чтобы не зарыдать в голос. Слёзы уже текли по щекам. — Оставь меня в покое! Пожалуйста!

— Не плачь, — его голос смягчился. — Я не хочу, чтобы ты плакала. Я просто хочу, чтобы ты была моей. И ты будешь. Но всему своё время.

Звонок оборвался.

Я сидела в машине, трясясь, как в лихорадке, и плакала навзрыд, уткнувшись лбом в руль. Страх душил меня, смешиваясь с отчаянием и чувством полной беспомощности. Он знает про родинку. Он видел меня голой. Он был в моей комнате, в моей ванной, пока я мылась. Эта мысль была невыносима. И я не могла никому рассказать, не подвергая этого человека смертельной опасности!!

Я ударила ладонями по рулю. Вылетела из машины, чуть не поскользнувшись на мокром асфальте. Вбежала в подъезд, захлопнула за собой дверь, прислонилась к холодной стене, пытаясь отдышаться.

Здесь почему-то пахло гарью...

На лестничной клетке горел тусклый свет. Я смотрела на обшарпанные зеленые стены, на лифт с вырванной кнопкой, и думала: здесь, в этой обычной панельке, разворачивается

мой личный ад.

Он знает про пистолет. Он знает про маму. Он знает всё.

Я поднялась к маме, влетела в квартиру, заперла дверь на все замки. Прислонилась к двери спиной, закрыла глаза.

Мама сидела на кухне, пила чай и смотрела телевизор.

— Лан, ты чего такая? Случилось что? — она отложила пульт, вглядываясь в моё лицо.

— Нет, мам. Всё нормально. Просто устала очень. Пойду лягу.

Я прошла в свою комнату, упала на кровать. Телефон опять звякнул через минуту.

Сообщение от «Он».

«Спокойной ночи, моя девочка. Сладких снов. Я буду думать только о тебе».

Я зарылась лицом в подушку и беззвучно заплакала, сжимая в руке телефон. Мне было страшно. Страшно до онемения. И я совершенно не знала, что делать.

Глава 7

ОН

Даже когда Лана злится на меня, я всё равно люблю её. А сегодня она впервые говорила со мной — по-настоящему, не односложными ответами в сообщениях. Конечно, меня задевает, что она сердится. Но, если честно, она должна быть мне благодарна. Я видел, как тот хорёк к ней прижимался в клубе. Я спас её. Опять.

Она даже не понимает, какой эффект производит, когда проходит мимо. Опускает голову, прячет глаза — сначала кажется застенчивой. Но я-то знаю. Я вижу, как мужики сворачивают шеи, когда она идёт по улице в этих своих облегающих леггинсах. Как они пялятся на её задницу, на грудь под тонкой тканью спортивного топа. Это бесит. Но я хотя бы могу за ними следить. Могу вмешаться, если кто-то посмеет приблизиться.

Ей так повезло, что я оказался рядом в тот вечер в клубе. На секунду я думал не ехать за ней — были дела, серьёзные разговоры с Борисом намечались. Но я не смог удержаться. Мне нужно было видеть её. Видеть, как она танцует, как двигается в этом чёрном платье.

Моя награда за её защиту.

Сегодня утром я поехал к фитнес-клубу на Херсонской. Знаю её расписание наизусть: по вторникам и четвергам у неё персональные тренировки с девяти утра. Я припарковался в соседнем дворе, откуда открывается отличный вид на вход и на окна тренерской на втором этаже.

Москва просыпалась медленно, тяжело, как всегда в октябре. Серое небо, морось, лужи на асфальте. Из круглосуточного магазинчика напротив вышел мужик с пивом, зевнул, почесал пузо и поплёлся к своей развалюхе. Обычное утро спального района.

Я откинулся на сиденье, включил погромче старый русский рэп — «Касту», «Юго-восточная Европа». Люблю эту атмосферу: низкие басы, тексты про жизнь. Под это хорошо думается.

Она появилась без пяти девять. Выходила из своей старенькой Kia на парковке. Чёрные джинсы в облипку, белая футболка, великоватая, из-под которой видно край топа. Волосы распущены, чуть влажные после душа. На плече — спортивная сумка.

Я смотрел, как она идёт ко входу, как перекидывается парой слов с охранником, как скрывается за стеклянными дверьми. Каждое её движение отдавалось где-то в груди, ниже, в паху.

Представил, как она сейчас переодевается в раздевалке. Стягивает джинсы, открывая длинные ноги в этих чёрных

леггинсах. Поправляет лифчик, наклоняется, чтобы завязать шнурки кроссовок. Задница так и ходит ходуном под тканью.

Я сжал руль, прогоняя наваждение. Слишком рано. Нужно работать.

Через пару часов я перебрался на детскую площадку за клубом. Оттуда видно беговые дорожки, где она иногда проводит разминку с клиентами. Сегодня повезло: она вывела какую-то дамочку на лёгкую пробежку.

Я присел на лавочку, сделал вид, что читаю новости в телефоне. Но сам смотрел поверх экрана.

Она была в той самой чёрной форме: леггинсы с высокой талией, топ, волосы стянуты в хвост. Кожа блестела от пота на висках, щёки разрумянились. Она показывала клиентке упражнения на растяжку, наклонялась, тянулась, и топ то и дело задирался, открывая полоску живота. Гладкого, влажного.

Она вдруг выпрямилась и посмотрела прямо в мою сторону. Нахмурилась. Я замер, но не отвёл взгляда — через забор она меня не видела, там густые кусты.

Чувствует. Моя девочка чувствует меня.

Я усмехнулся и откинулся на спинку лавки.

После обеда она ушла в раздевалку, и я поехал по делам. Надо было встретиться с одним человечком на Таганке, забрать кое-какие бумаги. Старая работа иногда напоминает о себе — не все связи оборваны, не все долги закрыты.

Встреча была быстрой: мрачный тип в кожаной куртке, обменялись пакетами, разошлись. Я сунул конверт в бардачок, завёл мотор.

Перед глазами всё ещё стояла она. Как наклонялась, как смотрела в мою сторону. Как хмурилась, пытаюсь понять, откуда это чувство.

Я знал, что вечером она будет одна. Мать уезжает к брату, и она остаётся в квартире одна. Я должен быть рядом. Присмотреть.

ТРИ ЧАСА СПУСТЯ

Я заглушил движок своего джипа за углом, в тени тополей. Вышел, закурил, глядя на её окна. Третий этаж, угловая квартира. Свет горит на кухне — значит, мать ещё не спит. Ланы ещё не было дома. Она приедет только через час.

Я улыбнулся этой мысли.

Бычок полетел в лужу. Я двинулся к подъезду, когда какой-то хмырь в капюшоне с красно-белым пакетом, забежал внутрь. Магнитный замок запищал, но я успел подставить ногу в последний момент.

Зашел в подъезд. Пахло сыростью и куревом — классический запах. На лестничной клетке первого этажа, прямо у лифта, стояли двое. Мужики лет сорока-пятидесяти, в трениках и растянутых водолазках. Один — лысый, с красной рожей, второй — пониже, в олимпийке с надписью «Рос-

сия». Из колонки, примотанной синей изолентой к батарее, играл шансон на всю катушку.

— Такие вещи, — протянул лысый, заплетающимся языком, размахивая бутылкой пива. — Ты глянь, сука, я ему говорю — ты чё, борзеешь? А он мне...

Второй кивал, пытаясь прикурить сигарету.

Я остановился в тени. Смотрел на них. Потом на дверь лифта, которая была разрисована маркерами. Потом на горшок с засохшим фикусом в углу.

— Мужики, — сказал я негромко. — Сделайте музыку тише.

Лысый обернулся, уставившись на меня мутными глазами.

— А ты какого хрена тут командуешь? Живешь здесь, что ли? Не видел тебя.

— Не живу. Но скоро здесь девушка моя будет проходить. Не хочу, чтобы она на вас смотрела.

Второй, тот что с сигаретой, вдруг хрипло заржал, сплюнул на пол.

— Девушка, блин, у него! Слышь, Колян, у него девушка! А мы, значит, не пара для её гла... — он не договорил.

Я шагнул к нему, схватил за горло одной рукой, сжал. Он захрипел, выронил сигарету, заскрёб ногтями по моей руке. Лысый дёрнулся было, но я встретил его взгляд — и он застыл. Глаза у него стали как у кролика перед удавом.

— Тихо, — шепнул я. — Сиди смирно.

Второй уже синел. Через несколько секунд он обмяк, и я опустил его на пол. Повернулся к лысому.

— Ты.

Он дёрнулся, бутылка выпала из рук, разбилась, пиво залило грязный кафель.

— Не надо, мужик, не надо, я всё понял, я уйду, я...

— Тащи своего дружка в подвал.

— В п-подвал?

— Дверь справа. Открыто.

Я знал этот дом. Знал, что дверь в подвал не закрывается, замок сломан ещё в прошлом году. Знал, что там темно, сыро и никто не ходит.

Лысый, кряхтя, потащил тело второго к двери. Я бесшумно шёл следом, вынимая кастет из нагрудного кармана. Когда он открыл дверь и шагнул внутрь, я ударил. Один удар — и он сложился, рухнул на бетонный пол, рядом с собутыльником.

Я постоял минуту, прислушиваясь. Тихо. Только гудит где-то труба отопления.

Руки почти не дрожали. Почти.

Закрыв подвал и вернулся в подъезд, вытер руки влажной салфеткой, бросил её в урну. Колонка с шансоном всё ещё орала. Я выдернул провод из розетки. Воцарилась тишина.

Я вышел на улицу, обошёл дом, встал в тени, закурил новую сигарету. Сердце билось ровно, спокойно. Хорошая разминка перед главным.

Через десять минут к крыльцу подъезда подошли какие-то подростки. Трое пацанов лет пятнадцати, в худи с капюшонами и вейпами. Они встали прямо у домофона, закурили, засмеялись, начали толкаться. Один достал телефон, включил музыку — какой-то рэп.

Я сжал кулаки.

Они не мешали. Они просто были здесь. На её пути. Я представил, как она выйдет из машины, а они будут пялиться на её ноги, перешёптываться, может, пошутят что-то вслед.

Я огляделся. Рядом с подъездом стояла железная урна, набитая окурками, фантиками, пустыми пачками из-под сигарет. Я достал из кармана зажигалку — старую, ещё с армейских времён. Потом нашёл в кустах, под скамейкой, скомканную газету. Поджёг, сунул в урну.

Бумага вспыхнула быстро, огонь перекинулся на мусор. Через минуту урна полыхала, как факел, дым повалил чёрный, вонючий.

Подростки обернулись.

— Охренеть! — выпалил один. — Горит бачок!!

— Слышь, сваливаем, а то менты приедут, — второй дёрнулся. — На нас подумают.

— Да пофиг, — третий, самый смелый, шагнул было к урне, но огонь лизнул край, и он отшатнулся. — Не, блин, точно валим!

Они побежали. Я смотрел им вслед из темноты, спокойно затягиваясь. Урна горела, освещая подъезд оранжевым све-

том. Кто-то из жильцов уже открыл окно, заорал: «Э, там пожар!», но я уже уходил в тень, к своей машине.

Огонь потушат. Подростки не вернуться. Всё чисто.

ЧАС СПУСТЯ

Я сидел в машине, смотрел на её окна. Она зашла в подъезд двадцать минут назад. Все хорошо. Она уже дома.

Достал мобильник. Посмотрел на экран. Сообщений нет. Она не писала мне с самого вечера.

Я усмехнулся. Гордая. Боится, злится. Не пишет.

Я набрал сообщение:

«Спокойной ночи, моя девочка. Сладких снов. Я буду думать только о тебе».

Пауза. Я видел, как она подошла к окну, осторожно выглянула в щель между штор. Ищет меня. Милая.

Я отложил телефон, завёл машину и медленно вырулил со стоянки. Мне нужно было переодеться, привести себя в порядок. Ночью я снова буду здесь. Ночью я, может быть, найду к ней. Если она будет одна.

Я вернулся в свою квартиру, принял душ дольше обычного, растирая кожу жёсткой мочалкой. Вода стекала по спине, по груди, и я думал о ней. О том, как видел её голой сегодня утром, пока она мылась. О том, как она проводит руками по своему животу, по груди.

Вода стекала по моему лицу, смешиваясь с мыслями о ней, и я позволил себе утонуть в этих мыслях на несколько секунд.

Возбуждение накрыло с головой, мышцы свело от напряжения. Я включил холодную воду на полную и стоял, пока дрожь не сменила жар. Самая изощрённая пытка — и так уже два года.

Я вылез, натянул чистые джинсы и чёрную футболку. Волосы ещё были мокрыми, когда я сел в машину и поехал к ней.

Глава 8

ЛАНА

На следующий день я поняла, что вымоталась. Физически и морально. Стресс выматывал хуже любой тренировки. Радовало только одно — сегодня у меня выходной. В обед мама уехала к своему брату в деревню. Сказала, что вернётся завтра утром. Я осталась одна в её квартире. Мне почему-то казалось, что тут безопаснее быть. Тишина давила на уши, но в ней хотя бы не звучал его голос.

Ничего безумного не случилось за весь день. Это очень настораживало. Все было тихо. Никаких сообщений, никаких звонков от него...

Я не могла перестать думать о нём. Пыталась представить его лицо, и от этого становилось ещё страшнее. Нельзя представлять. Это же ненормально — испытывать какое-то болезненное любопытство к этому уроду. Но это не кино. Это реальность. Тот парень в клубе до сих пор в больнице, говорят, едва выжил. Моя жизнь превратилась в ад, я постоянно оглядываюсь, не сплю по ночам.

И всё из-за Него.

Я решила отвлечься и включила телевизор, лишь бы разогнать тишину. На журнальном столике стояла открытая бан-

ка пива. Пока мамы нет, решила залезть в запасы отчима в холодильнике.

Забралась на диван с ногами, накрылась пледом. Обычный, спокойный вечер. Как будто.

По телевизору шёл старый фильм — «Десять негритят». Я очень любила его в детстве. Когда-то смотрели его с бабушкой на летней даче. Прекрасные были времена... Спокойные. Беззаботные.

Телефон пиликнул. Я вздрогнула, по телу пронесся электрический разряд шоке.

Я сжала зубы и медленно потянулась к телефону.

На экране вспыхнуло сообщение от Вики:

«Ты дома? Я в Ярославле с родителями. Скучаю! Как ты?»

Я прикрыла глаза, выдохнула. Отправила ей короткое «нормально». Откинула телефон подальше от себя и снова уставилась в телевизор.

Свет в комнате моргнул.

Я замерла. Проводка старая, но обычно это случается, если включить чайник или микроволновку. Сейчас же всё было выключено.

Я прислушалась. Тишина в квартире. Только телевизор тихо вещает фильм.

И тут я услышала чьи-то шаги. Они медленно приближались со стороны коридора.

Сердце резко рухнуло в пятки, перед глазами замелькали самые страшные картинки.

Я резко обернулась, испытывая дичайший ужас.

В дверном проёме стоял человек.

Высокий, в чёрной кожаной куртке, свободных чёрных джинсах и толстовке с капюшоном. Руки были в чёрных перчатках.

Но лица не было.

На нём была маска. Белая, с чёрными провалами глаз и рта, вытянутая, жуткая. Маска из фильма ужасов — «Крик». Та, что смотрит на тебя пустотой, за которой ничего не видно. Ни глаз, ни эмоций. Только тьма.

Я закричала. Коротко, сдавленно.

— Закрой рот.

Услышав его голос, мое горло сжалось, волосы дыбом встали.

Голос был низким, грубым, искажённым динамиком, встроенным в маску. Страшным. Нечеловеческим.

— Ну, привет. Скучаешь?

Я тяжело дышала, смотря на него немигающим взглядом.

Он шагнул в комнату. Двигался плавно, как хищник, не сводя с меня этих жутких чёрных дыр.

Я вскочила с дивана. Первая мысль — телефон. Он валялся на журнальном столике. Я рванула к нему, но он оказался быстрее. Стальные пальцы в перчатке перехватили мою руку, сжали запястье до боли.

— Не дёргайся, — прозвучало из динамика рядом с моим ухом.

Я закричала снова, отчаянно, но он тут же зажал мне рот ладонью, сжимая другой рукой мою шею. Я почувствовала запах кожи его куртки, смешанный с табаком. Я билась, пиналась, но он был как бетонная стена. Не причинял боли, но и не отпускал.

— Если будешь орать, только хуже будет, — прошептал он мне в ухо этим жутким механическим голосом. — Я не хочу делать тебе больно. Я просто хочу поговорить.

Я перестала вырываться. Специально. Потому что это сейчас было бессмысленно. Надо было подчиниться.

Он отпустил мой рот, но руку с запястья не убрал.

И тут, сквозь пелену паники, я вспомнила, что мне может помочь. То, что я вчера достала из папиного сейфа под кроватью и перепрятала в более доступное место.

Я резко рванула к выходу, но он сделал резкий выпад и небрежно, играючи, дёрнул меня назад, припечатав к своей груди.

— Пистолет хочешь взять? — спросил он спокойно. — Тот, что в цветочном горшке? Я уже взял. Тебе отдать?

Ноги подкосились. Я перестала вырываться и мыслить здраво. Посмотрела на его протянутую руку в перчатке. Папин Макаров...

— Не бойся, — он сжал пальцы на рукоятке, и я отшатнулась к стене, вжавшись в неё спиной. — Я его разрядил. Не нужен он нам.

Дрожь колотила всё тело. Он стоял в двух метрах от ме-

ня. Белая маска с пустыми глазницами смотрела в упор. Я не видела его глаз, не видела лица. Это было страшнее всего. Просто фигура в чёрном с этим жутким белым пятном вместо головы.

— Как ты... как ты вошёл? — выдавила я, заикаясь. — Я вчера поменяла замки.

— Замки у тебя, — он покачал головой. Голос скрежетал, как ржавое железо. — Детский сад. Я тебе потом нормальные поставлю.

— ...Что тебе надо? — мой голос сорвался на хрип.

— Хочу посмотреть с тобой кино, — он кивнул на телевизор. — Детектив. Я тоже люблю старые фильмы.

Он сел на диван. На то самое место, где только что сидела я. Похлопал ладонью в перчатке рядом с собой.

— Присядь.

Я не двигалась. Все поглядывала в сторону прихожей.

— Даже не думай об этом, — пробасил он, и я физически ощутила, как пустые глазницы маски прожигают меня насквозь. — Я всё равно догоню. И тогда придётся тебя связать. А я не хочу. Я хочу, чтобы мы просто посидели. Как нормальные люди. Или ты боишься, что я перестану себя контролировать? Что ж, страх правильный. Но пока я себя контролирую. Трогать тебя не буду. Садись.

От его слов по коже побежали ледяные разряды. Мне стало невыносимо мерзко от самой мысли, но он хотя бы не отрицал, что способен на это. И от этого было ещё страшнее.

— Если бы я хотел, — продолжил он, — ты бы уже давно была без сознания. Или привязана к батарее. Но я не за этим. Так что сядь сюда.

Я медленно, очень медленно, шагнула к дивану. Села на самый край, положив вспотевшие ладони на коленки. Пистолет на журнальном столике маячил перед глазами. Беспольный.

Он взял пульт, прибавил громкость, сев поудобнее.

— Хороший фильм. Я его в детстве с дедом смотрел. А ты? Видела раньше?

Я молчала. Смотрела в экран, но ничего не видела. Только белое пятно его маски боковым зрением.

— Я спросил, — его голос стал жёстче, металлический скрежет резанул по нервам. — Смотрела этот фильм раньше?

— Д-да, — выдохнула я. — Когда была ещё в школе.

— Вот и славно. Сюжет, наверное, уже подзабыла.

Он откинулся на спинку дивана, положил руку на спинку — почти касаясь моих плеч. Я вжалась в подлокотник.

Так прошло минут десять. Я сидела, не шевелясь, боясь даже дышать. Он смотрел телевизор. Иногда брал моё пиво со столика, отпивал прямо через прорезь в маске, ставил обратно. Это было настолько сюрреалистично-ужасно, что меня начинало подташнивать.

— Чего такая дерганая, — заметил он, когда ещё раз тянулся за пивом. — Ещё боишься?

Я мотнула головой.

— Правильно. Бояться нечего. Я же сказал: не трону. — он сделал глоток и хмыкнул. — Пока.

Я молчала. Он вздохнул, повернулся ко мне. Какое-то время просто смотрел, но потом я заметила, что он чуть наклонился ко мне. Я зажмурилась, чтобы не видеть эту пустую маску в сантиметрах от себя.

— Открой глаза. Посмотри на меня.

Я медленно приоткрыла. Повернула голову. В чёрных провалах не было ничего. Абсолютная пустота. Но я чувствовала его взгляд. Тяжёлый, прожигающий.

Мне захотелось отвести взгляд, отвернуться, зажмуриться и просто проснуться. Я попыталась сделать это, но тут же его перчатка легла мне на подбородок и заставила повернуться обратно к нему лицом.

— Сейчас я уберу руку, — сказал он тихо. Динамик сделал его шёпот пугающим. — И ты сядешь нормально. Не в угол. Рядом со мной. Поняла?

Я кивнула. Он убрал руку. Я, как послушная кукла, отодвинулась от подлокотника и села ровно. Между нами оставалось сантиметров тридцать.

— Умница, — он погладил меня по голове. Я вся сжалась от этого прикосновения.

Он снова уставился в телевизор. А я смотрела на него. На его профиль, скрытый под маской. Кто он? Откуда взялся? Почему я?... А главное — за что?

Мы молчали. Прошёл, наверное, час. Фильм кончился, начались новости. Он потянулся, расправил широкие плечи.

— Долго идёт, — сказал он. — Но с тобой хорошо смотрится.

Я молчала, боясь спровоцировать хоть слово.

Он вдруг обнял меня. Притянул к себе, прижал к боку. Я замерла, погрузившись в полную оторопь.

— Только не дергайся, — прошептал его жуткий голос у меня над головой. — Просто посидим так. Ладно?

Я медленно кивнула. Потому что боялась не кивнуть.

Он начал гладить меня по плечу, по спине, и от этих прикосновений по телу разлилось безысходное отчаяние. Он был рядом. Маньяк в маске. И гладил меня сейчас, как свою любимую кошку.

Постепенно, сама не знаю как, от напряжения и дикой усталости веки начали тяжелеть. Я понимала, что нельзя расслабиться. Нельзя закрывать глаза, когда рядом он. Но тело сдавало.

— Засыпай, — услышала я сквозь мысли этот скрежещущий шёпот. — Я посторожу тебя. Никто не войдёт. Никто не потревожит.

Я не могла заснуть. Не могла. Я притворилась. Закрала глаза, расслабила мышцы, постаралась дышать ровно. Но мозг работал как бешеный. Я чувствовала его руку на своём плече. Слышала его дыхание, которое динамик делал шумным и механическим.

Сколько это продолжалось — час, два, три? Я потеряла счёт времени. Лежала, вжавшись в его бок, и молилась, чтобы это поскорее закончилось и я осталась жива после этой ночи.

И тут я почувствовала вибрацию. Сначала слабую, потом настойчивее. У него в кармане завибрировал телефон. Вибрация была такой сильной, что отдавалась в мою спину дробью.

Он замер. Потом осторожно, стараясь не разбудить меня (как он думал), убрал руку. Я слышала, как он встал, как прощуршала его куртка. Щелчок — он принял вызов, но говорил едва слышно, прикрывая динамик маски рукой. Я не разобрала ни слова.

Послышались заветные шаги к двери. Тихий скрип замка. Щелчок закрывшейся двери.

И тишина.

Я не открывала глаза ещё несколько минут. Боялась, что это ловушка. Что он стоит в коридоре и ждёт.

Потом медленно, очень медленно, приоткрыла один глаз. В комнате было пусто. Он действительно ушел.

Я вскочила с дивана, сердце колотилось так, что, казалось, точно выпрыгнет. Подбежала к двери. Закрыто. Замки были на месте, но я чувствовала — он их даже не взламывал. Просто открыл своим ключом.

Я заперлась на все щеколды и цепочки, которые только нашла. Прислонилась спиной к двери и сползла по ней на

пол. Меня трясло крупной дрожью. Я зажала рот рукой, чтобы не зарыдать в голос.

Он был здесь. Этот псих. Он сидел со мной рядом, гладил меня, смотрел телевизор. Он мог сделать со мной что угодно. Но не сделал. Пока.

Я забежала обратно в комнату, лихорадочно оглядываюсь. Всё было на месте. Ничего не тронут. Пистолет на подлокотнике дивана. На журнальном столике, рядом с пустой банкой из-под пива, лежала маленькая записка.

Почерк печатный — я уже знала его наизусть.

«Спасибо за вечер, малыш. Ты очень красивая, когда спишь. Я приду ещё. Не вздумай ставить другие замки — я всё равно открою. И пистолет убери в сейф. А то мама увидит, что ты балуешься.

Целую. Твой Клим».

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать, и беззвучно разрыдалась, сползая на пол рядом с диваном, на котором только что сидела в обнимку с маньяком.

Глава 9

ЛАНА

Я не спала. Всю ночь.

Сидела на диване, поджав ноги и накрывшись пледом, и смотрела в телевизор. Звука не было — я выключила его ещё час назад, когда поняла, что не могу больше слышать этот дурацкий голос диктора, вещающего про рост тарифов ЖКХ и скандал в Мосгордуме. Картинка теперь мелькала беззвучно: какая-то старая комедия, потом новости, потом ток-шоу с орущими друг на друга толстыми тётками.

Я смотрела, но не видела ничего. Перед глазами стояла черно-белая маска.

Каждый шорох за стеной заставлял меня вжиматься в спинку дивана. В подъезде отдаленно хлопнула дверь — я замерла, прислушиваясь, готовая бежать на кухню за ножом. Сосед сверху закашлял — я вздрогнула. Где-то на улице залаяла собака — я сжалась в комок.

Он обещал вернуться. Он сказал: «Я приду ещё». И я знала — этот псих сдержит свое слово.

Когда за окном начало сереть, а за шторой проступили очертания тополей, я поняла, что выжила. Ещё одну ночь. Очередную.

Часы на телефоне показали 6:47.

Что-то звенело. Но звук был будто под водой.

Я моргнула, несколько секунд вообще ничего не видя остекленевшим взглядом. В комнате было уже светло — солнце пробивалось сквозь щели в шторах, падало золотистыми полосами на пол. Я даже не заметила, как задремала под утро — сидя, вжавшись в угол дивана, сжимая в руке ключи от квартиры, будто они могли меня защитить.

Звонил телефон. Играла «Группа крови» Цоя.

Я поставила этот рингтон на маму. Чтобы сразу знать, что звонит именно она. Мама родом из Ленинграда и до сих пор, когда выпьет, любит вспоминать, как ходила на концерты этой группы в восьмидесятые.

Я простонала и свесилась с дивана, нашаривая телефон. Пальцы нащупали его на полу — видимо, уронила, когда нечаянно заснула под утро.

Время показывало 10:05.

— ...Мам? — голос сел, в горле пересохло.

— Ланусь, привет, — мамин голос звучал бодро, с её прокуренной хрипотцой. — Разбудила?

— Да нет. Мне же скоро на работу... — я перевернулась на спину, уставилась в потолок. На нём было небольшое серое пятно от протечки — соседи сверху затопили нас два года назад, а мама так и не закрасила. — Ты где, мам? Уже собираешься домой?

— Нет, лапуль. Поэтому и звоню. Я ещё у брата, — мама

тяжело вздохнула. — Саше тут после вчерашней бани стало резко плохо. Мы скорую ночью вызывали. У него давление под 200 подскочило. Медики вкололи ему чего-то. Он спит сейчас. Я побуду у него ещё пару дней, послежу за ним... Ты там как? Одна не боишься?

Я медленно опустилась обратно на диван. Опять буду одна дома... После вчерашнего.

В голове всплыла его маска. Пустые чёрные глазницы. Рука в перчатке, глядящая меня по голове, как собачонку.

— ...Нет. Всё нормально, мам, — выдавила я из себя, стараясь, звучать убедительно. — Не волнуйся за меня. Я уже не маленькая. С дядей Сашей всё хорошо будет?

— А я знаю? Надеюсь, что оклемается к вечеру. Но сама понимаешь, возраст уже. Ты это, Ланусь... после работы сразу домой, хорошо? Никаких гулянок, никаких клубов. И не открывай никому. Слышишь?

Если бы она только знала...

Знала, что никакие замки мне уже не помогут. Что он заходит, когда хочет. Что он сидел на этом диване, пил пиво, смотрел телевизор. И я сидела рядом, прижатая к его боку, и боялась дышать.

— Конечно, мам. Люблю тебя.

— И я тебя. Пока, лапуль.

Я сбросила звонок и опять уставилась в потолок. И тут меня накрыло.

Прошлая ночь стала моим главным кошмаром.

Я встала рывком, схватилась за голову, чтобы остановить это головокружение — то ли от нехватки сна, то ли от переутомления.

Сейф под кроватью был открыт. Пустой. Пистолет... где пистолет, который он вчера разрядил и бросил на журнальный столик?

Я огляделась. На подлокотнике, рядом с моим телефоном, лежал Макаров. Папин. Тяжёлый, холодный, родной.

Я схватила его, проверила — он был заряжен. Когда он успел это сделать?

Меня затрясло.

Я сунула пистолет в спортивную сумку, туда же кинула форму, кроссовки, полотенце. Надо убираться отсюда. На работу. В люди. Подальше от этих стен.

Схватила телефон. Увидела пропущенный от Вики и три сообщения от «Он».

Даже читать не стала. Просто решила игнорировать. Включила режим «не беспокоить» и засунула телефон в карман.

Я быстро переоделась: чёрные джинсы, свободная толстовка с капюшоном, чтобы можно было спрятать лицо, волосы в хвост. Умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Синяки под глазами — глубооченные, как будто я неделю не спала. Кожа бледная, с сероватым оттенком. Губы потрескались.

Красавица, блин. Мисс Совершенство 2024.

Кофе. Мне нужен кофе. Много.

На кухне я первым делом проверила все шкафы — мания, которая развилась за последние месяцы. Заглянула за двери, под стол, даже в антресоли, хотя туда мог бы спрятаться разве что гном. Никого. Квартира пуста.

Я включила кофемашину, взяла с полки любимую кружку — ту, что папа когда-то привёз из командировки, с облупившейся красной надписью «С любовью из Сочи». Облупилась она ещё при нём, а я всё хранила.

Пока кофе шипел и капал в кружку, я достала ноутбук. У меня ещё было время до работы. Села за кухонный стол, вдохнула поглубже и начала гуглить.

«Как защититься от преследователя?»

«Психологическое преследование что делать?»

«Угрозы близким как быть?»

«Киберсталкинг защита»

«Как доказать преследование полиции?»

Страница за страницей. Форумы, статьи, советы психологов, истории других женщин, переживших этот кошмар.

Я читала и чувствовала, как внутри появляется слабая надежда. Я не одна. Таких, как я, тысячи. И многие выжили. Многие выбрались из этого.

Первое. Никогда не показывай страх. Это подпитывает преследователя. Он хочет твоей реакции — любой. Страх, злость, слёзы, мольбы — всё равно. Ему нужно твоё внимание.

Я вспомнила, как он гладил меня по голове, как я вжималась в диван, зажмурившись. Это был корм для его больного эго.

Второе. Не вступай в диалог. Не отвечай на сообщения. Не бери трубку. Любое общение — это связь, которой он дорожит.

Я не ответила на его сообщения сегодня. Правильно.

Третье. Собирай доказательства. Все сообщения, записки, фото, видео. Фиксируй каждый случай. Это пригодится, когда дойдёт до полиции или суда.

Я скопировала всю переписку с ним в отдельную папку, сделала скриншоты. Записки — он их всегда забирал? Нет, вчерашняя осталась на столике. Я метнулась в комнату, схватила листок, сунула в сумку.

Четвёртое. Оповести близких, но осторожно. Не вдаваясь в детали, которые могут их напугать или подвергнуть опасности. Просто предупреди: если со мной что-то случится, это он.

Чего?? Очень слабо как-то верится, что после такой фразы моя мама будет спать спокойно. И опасно ей говорить... Нет. Я так не могу.

Я задумалась. Маме нельзя. Вике можно попробовать, но она сейчас в Ярославле, и я не знаю, насколько её телефон защищён.

Пятое. Сменить привычки. Не ходить одним маршрутом, не появляться в одно и то же время в одних и тех же местах.

Лишить его возможности предсказывать твои действия.

С работы уйти? Было бы неплохо... Но я не могу бросить единственное место, которое меня кормит. Хорошо... Я могу уходить с работы в разное время. Менять маршруты. Парковаться в разных местах.

Шестое. Оружие. Только если умеешь пользоваться. Иначе может обернуться против тебя.

Я умею. Папа научил.

Седьмое. Тревожная кнопка в телефоне. Быстрый набор на ближайших людей.

Я настроила быстрый набор: Вика на единице, мама на двойке, полиция — на тройке. На всякий случай.

Восьмое. Психолог. Сталкинг — это травма. С ней нужно работать.

Психолог?... Это деньги. Время. Но, боже, как мне это нужно.

Девятое. Самый жёсткий совет, который я вычитала на каком-то форуме для жертв домашнего насилия: «Сделай так, чтобы ты стала ему неинтересна. Перестань быть жертвой. Стань проблемой. Начни готовиться к обороне так явно, чтобы он понял: эта овца кусается».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри разгорается что-то новое. Не страх. Злость. Я не хочу быть жертвенной овцой.

Он думает, я буду сидеть и трястись. Он думает, я сломаюсь. Он думает, я стану его.

А вот хрен тебе, маньяк фигов.

Я начала составлять план.

Пункт первый: самооборона. Я фитнес-тренер, у меня хорошая физическая форма, но против огромного психа я никто. Нужны конкретные навыки. Бой. Удары. Защита.

Пункт второй: сигнализация в квартиру. Да, он сказал, что откроет любые замки. Но сигнализация с громкой сиреной и вызовом охраны — это уже не шутки.

Пункт третий: камеры. Маленькие, скрытые. В квартире мамы и в моей. Чтобы знать, когда он заходит.

Пункт четвёртый: тревожный чемоданчик. Документы, деньги, одежда, лекарства — на случай, если придётся срываться и уезжать быстро.

Пункт пятый: легализация. Заявление в полицию. Да, он угрожал убить близких, если я пойду в полицию. Но если я подготовлюсь, если соберу доказательства, если попрошу защиты — может быть, они смогут помочь. А если нет... тогда пункт первый.

Я закрыла ноутбук. Стерла всю информацию и все свои записи. От греха подальше.

В голове прояснилось впервые за многие месяцы. Страх никуда не делся, он сидел где-то в животе, но теперь рядом с ним поселилась решимость действовать.

Телефон зазвонил. На экране высветилось: «Ксюша работа».

— Лан, привет, — голос Ксюши, нашего админа, был как

всегда слишком жизнерадостным. — Ты сегодня когда выходишь? Тут Алексей Львович бесится, говорит, у тебя за последний месяц два клиента ушли с персональных тренировок.

Я вздохнула.

— Знаю. Я сегодня выйду пораньше, часам к двум. Отработаю.

— Окей, я его обрадую. Ты это... как сама? А то Алексей Львович говорил, что ты какая-то замученная в последнее время, клиенты жалуются, что ты несобранная.

Козёл. Мало того, что лапает меня взглядом, так ещё и обсуждает меня с подчинёнными.

— Я нормально. Просто не выпалась. Всё, давай, я выезжаю.

Я сбросила звонок и посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Замученная. Несобранная. Клиенты уходят. Работа под угрозой.

Всё из-за Него. Из-за этого уroda в маске. Он высасывает из меня жизнь по капле.

Я сжала кулаки, схватила сумку и вышла.

Выйдя из подъезда, я села в свою старенькую машину, которую папа купил мне ещё на совершеннолетие, и чуть не выпрыгнула обратно, когда зазвонил телефон. Сердце подскочило к горлу, ударило в виски.

На экране вспыхнуло: «ОН».

Руки задрожали. Я смотрела на эти буквы и чувствовала, как паника сжимает горло. Не бери трубку, сказано же. Не вступай в диалог.

Но пальцы сами потянулись к экрану, провели по зелёной кнопке. Привычка подчиняться? Страх, что если не возьму, он разозлится и сделает хуже?

А ведь так и будет...

Я молчала. Только дыхание на другом конце провода — ровное, громкое в тишине салона.

— ...И какого чёрта ты не отвечаешь на мои сообщения? Голос жёсткий. Таким голосом отдают приказы.

Я сглотнула.

— Я была занята.

— Чем это? — в его измененном голосе скользнула насмешка.

— Делами.

На том конце повисла тишина. Секунд тридцать. Я уже думала, он бросил трубку. Завела двигатель, чтобы заглушить панический ступор. Выехала со двора, лавируя между припаркованными вкривь и вкось машинами — вечная московская беда.

— Солнышко, ты слишком быстро вчера уснула. Мы могли бы заняться ещё столькими вещами. Ты меня расстроила.

Я молчала. Вспоминала всё, что прочитала утром. Психологи советовали не подыгрывать, не реагировать, не давать эмоций. Быть скучной.

Мое молчание затягивалось.

— ...Я хочу тебя, Лана, — выдохнул он в трубку.

В животе поднялась холодная волна. Омерзение. Чёткое, ясное.

Он болен. Он серьёзно болен. И я для него — игрушка.

— Пожалуйста, не врывайся ко мне в квартиру больше, — наконец сказала я тихо. — Мне это не понравилось.

— Прости, малышка, — он ответил сразу, и в голосе действительно было сожаление. Точно фальшивое. — Но ты была мне просто необходима вчера. Я не мог ждать.

— Мне пора, — я сжимала руль так, что пальцы стали ледяными от такого давления.

— ...Хорошей дороги до спортзала.

И отключился.

Я резко выдохнула. Воздух вырвался из лёгких со свистом. Он всё знал. Что я делаю, куда еду. Всё.

Я припарковалась на обычном месте, вдохнула поглубже и зашла внутрь. Фитнес-клуб «Атмосфера» на Херсонской встретил меня привычным запахом хлорки, пота и кофе из автомата.

— Лана, клянусь, если ты опоздаешь ещё раз, останешься без работы, — Алексей Львович, мой начальник, встретил меня прямо у стойки администратора, сверкая лысиной и масляными глазками.

Мужик лет сорока пяти, с вечно потными руками, кото-

рые так и норовят оказаться на моей талии. Типичный управляющий из тех, кто мнит себя пупом земли, потому что у него есть ключи от элитного спортклуба.

— Я не опоздала. Сейчас ровно два, — сказала я, глядя прямо на него. Без тени улыбки.

Он усмехнулся, облизнул губы — мерзкий, привычный жест.

— Вообще-то уже на десять минут больше. Но я могу забыть. Может, зайдём ко мне в кабинет, обсудим твой график? А то клиенты уходят, это непорядок. Надо повышать мотивацию персонала.

Меня передёрнуло. «Повышать мотивацию» на его языке означало одно: останься со мной наедине в кабинете, и я буду раздевать тебя глазами со всеми сальными шуточками.

— Извините, я больше не опоздаю, — я сделала шаг назад. — Обещаю. Мне надо сейчас переодеться, клиентка через десять минут будет.

И рванула в раздевалку для персонала, пока он не успел ничего добавить.

Переделалась быстро: чёрные леггинсы с высокой талией, белый топ, волосы в пучок. Пистолет запрятала поглубже в сумку, заперла в шкафчик.

Вышла в зал.

Я любила это место. Несмотря на мерзкого начальника и надменных посетителей, у которых были не просто членства, а VIP-карты, чтобы тешить своё эго. Здесь можно было ис-

чезнуть в движении, забыть о том, что ждёт снаружи.

Зал тут огромный, с приглушённым светом и темно-синей подсветкой. Другие фитнес-клубы в округе слишком яркие, слишком стерильно-белые. А этот был как тёмная лошадка — мрачноватый, стильный, с запахом кожи от новых тренажёров. Поэтому его многие любили.

Народу сегодня было немного: несколько мужчин у зоны с железом, накачивают бицепсы, поглядывая на себя в зеркала. Парочка на беговых дорожках, девица у кулера с бутылочкой воды, строящая глазки тренеру по йоге.

Я нашла свою клиентку — Наталью, дамочку лет сорока, которая пришла в зал после второго развода и теперь хотела «вернуть форму своей юности, чтобы все мужики сворачивали шеи».

Мы начали тренировку.

Час пролетел незаметно. Наталья пыхтела, я подбадривала её, показывала упражнения, поправляла технику. Тело работало на автомате, мысли были далеко.

После тренировки у меня было окно — час свободного времени до следующей клиентки. Я подошла к беговой дорожке, надела наушники, врубил старый русский рэп и побежала.

Сначала медленно, разминка. Потом быстрее.

Ноги сами несли, дыхание сбивалось, но я не сбавляла темп. Быстрее. Ещё быстрее.

Первый километр — мысли о нём. О черно-белой маске.

О руке на моём плече.

Второй километр — о маме. О том, что будет, если он выполнит угрозу.

Третий — о Вике, которая сейчас в Ярославле и даже не подозревает, что её лучшая подруга ночевала в обнимку с маньяком.

Четвёртый — о папе. О том, что он бы знал, что делать. Он бы нашёл этого ублюдка и свернул ему шею. Но его нет...

Пятый километр — о себе. О том, что я превратилась в тряпку. В жертву. В игрушку. И тихо ненавидела себя за эту беспомощность.

Шестой — о злости.

Седьмой — о ненависти.

На восьмом километре я начала рыдать.

Слёзы смешались с потом, текли по щекам, заливали глаза. Я не останавливалась. Бежала и беззвучно плакала, и злилась, и ненавидела. Вспоминала, как он сидел на мамином диване, пил пиво, гладил меня по голове, как нашкодившего щенка. Как я боялась пошевелиться, боялась дышать. Как он смотрел на меня этими пустыми дырами в маске.

Пот уже лил ручьями. Футболка прилипла к спине, груди, под мышками. В зале уже поглядывали — сумасшедшая тренерша наворачивает круги.

На восьмом с половиной я резко сбросила скорость, нажала на красную панель «стоп» и упала локтями на сенсорную панель беговой дорожки. Лбом в руки. Смотрела себе

под ноги.

Слёзы и пот капали на чёрный пластик. Я открыла рот в немом крике, но звука не вырвалось — только сиплый выдох. Плечи тряслись.

— Да, я понял, — раздалось откуда-то сбоку. — Тренировки направлены на отработку реальных уличных ситуаций. Не театральное карате, а жёсткая самооборона. Без защиты — только нападение. Удушающие, болевые, удары в пах и горло. Если надо — доведём до автоматизма. Записывайся, цену я озвучил.

Я медленно подняла голову.

У кулера, спиной ко мне, стоял парень. Высокий, широкие плечи обтянуты чёрной футболкой, на спине проступают мышцы. Тёмные спортивные штаны, кроссовки. Короткий разговор по телефону — кажется, записывал клиента.

Он закончил, убрал телефон в карман, сделал несколько глотков из бутылки. Потом развернулся.

Я встретилась с ним глазами.

Красивый. Очень. Лет двадцать восемь — тридцать. Густые каштановые волосы, чуть взлохмаченные, высокие скулы, тёмные глаза, внимательные, цепкие. Челюсть волевая, щетина лёгкая. Телосложение — мечта любой девушки: широкие плечи, узкие бёдра, мышцы рельефные, но без фанатизма, как у тех качков, что похожи на надувные шары.

Он скользнул по мне взглядом — равнодушно, будто я часть интерьера, и пошёл в сторону тренажёров.

Я смотрела ему вслед. Девушки у зеркал проводили его глазами, перешёптываясь. Конечно, такой красавчик не мог остаться незамеченным.

Самооборона. Он же говорил что-то про самооборону?...

Я вытерла лицо полотенцем, сделала глоток из бутылки и, сама не понимая, что делаю, направилась за ним.

Он стоял у тренажёра для бицепса, надел наушники и начал качать руки. Я остановилась за его спиной, смотрела, как двигаются мышцы под кожей, как напрягаются предплечья.

Он почувствовал мой взгляд, обернулся. Вытащил один наушник.

— Привет, — я первая поздоровалась.

— Привет?

— Я Лана. Работаю здесь тренером.

— Тимур, — коротко ответил он, возвращаясь к упражнению.

— Я слышала твой разговор у кулера. Ты инструктор по самообороне?

— Ну допустим.

— Мне нужны тренировки.

Он снова обернулся, посмотрел на меня уже чуть внимательнее.

— В этом зале не работаю. Сюда просто хожу качаться.

— Понятно. Я готова ходить на занятия. Где обучаешь?

Он положил гантель, вытер шею полотенцем, висящим на тренажёре.

— Слушай, у меня нет времени набирать новых клиентов. И потом, судя по твоей форме, ты и так в отличной физической форме. Бегаешь как ненормальная, вон, ползала на тебя смотрело. Чего тебе ещё?

— Бег не поможет, если на тебя нападут в подъезде, — сказала я жёстче, чем хотела. — Или если наркоманы у дома каждый вечер трутся.

Он остановился. В глазах отразилось что-то — понимание? Усталость от таких историй?

— Проблемы с районом? — спросил он прямо, разворачиваясь ко мне.

— Да нет, — я усмехнулась, пытаюсь выглядеть непринужденно. — Просто живу в старом спальнике, сам знаешь, что у подъездов творится. Алкаши, наркоманы, по вечерам страшно возвращаться. Хочу научиться постоять за себя, чтобы не бояться каждой тени.

Тимур прищурился, разглядывая меня.

— А почему именно самооборона? Вон, у вас в зале полно курсов — фитнес-бокс, тайский бокс, ММА для любителей.

— Это спорт. Мне нужны не спортивные навыки. Не правила. Мне нужно, чтобы, если кто-то схватит за горло в тёмном переулке, я могла вырубить его и убежать. Жёстко и эффективно. Как ты говорил — удушающие, болевые, удары в пах и горло.

Он хмыкнул.

— Ты меня прямо процитировала. Подслушивала?

— Случайно услышала. И подумала — вот он, мой шанс.

Тимур скрестил руки на груди, откровенно меня разглядывая. Я выдержала взгляд, хотя внутри хотела закрыться. У меня всегда была боязнь слишком самоуверенных в себе парней.

— Красивых девушек с просьбами научить драться я обычно не беру, — высказался он наконец. — Себе дороже. Потом выясняется, что у неё ревнивый парень или отсидевший муж, и мне прилетает.

— У меня нет ни мужа, ни парня, — сразу заверила я. — Есть только желание не бояться идти домой вечером. И я готова хорошо платить.

Пауза. Он смотрел на меня, и я чувствовала, как он оценивает — то ли мою искренность, то ли степень отчаяния.

— Ладно, — кивнул он. — Давай телефон. Я подумаю. Если решу взяться — условия жёсткие: деньги вперёд, без опозданий, и без сантиментов. Гонять буду как следует.

— Договорились.

Я продиктовала номер, он сразу набрал, у меня пиликнуло в кармане.

— Если что-то срочное — звони. Тренировки согласуем в смс.

Я благодарно моргнула.

— Спасибо.

— Пока не за что, — он надел наушник и вернулся к тренажёру.

Я пошла обратно в раздевалку. Сердце билось ровно. Мой план отомстить этому ублюдку скоро будет запущен.

Я прокручивала в голове лицо Тимура, его голос, его руки. Красивый, сильный, уверенный. И главное — он знает, как защитить и научить защищаться.

Когда я зашла в раздевалку и закрыла дверь, меня накрыло запоздалое смущение.

В кармане опять пиликнул телефон. Я достала, глянула. Сообщение от Тимура: «Завтра есть свободное окно в 18:00. Адрес скину позже».

Я села на скамейку, закрыла лицо руками. И какой адрес он мне скинет? Гараж какой-нибудь? Заброшку? А дальше?... По голове кирпичом и в багажник?

Господи, да я схожу с ума! Я уже никому не доверяю, но при этом готова вывернуться наизнанку перед первым встречным, у которого красивые глаза.

Может, не зря я к нему подошла. Может, это всё-таки шанс?

Я посмотрела на своё отражение в зеркале раздевалки. Красная, потная, с опухшими глазами. Но в глазах появилось что-то новое. То, чего не было ещё вчера.

Посмотрю какой он мне адрес скинет. Если ужас какой-нибудь, точно никуда не пойду.

Глава 10

ЛАНА

Вечер опустился на Москву неожиданно быстро, будто кто-то выключил свет за окнами маминой кухни. Я сидела за столом, с давно остывшим чаем, и тупо смотрела в темноту. Есть не хотелось.

Телефон вздрогнул. Сообщение от Вики: *«Ну как ты, героиня? Маман ещё не вернулась? Балдеешь, наверное, пока одна?»*.

Я усмехнулась. Если бы все было так просто.

«Нормально. Скучаю. Когда вернешься?»

«Через пару дней. Тут родители затеяли ремонт, я в роли грузчика. Сдохну скоро. Целую, береги себя!»

Я отложила телефон и тут же он зазвонил снова. Мама.

— Ланчик, ты как там? — голос у неё был уставший. —

Саша уснул, давление вроде нормализовалось у него. Я завтра еще побуду с ним. Чтоб точно убедиться. Ты справляешься пока?

— Справляюсь, мам. Все хорошо.

— Еду разогрела себе? Там в холодильнике котлеты были.

Поела их?

— Да-да, поела. Ты отдыхай.

Я сбросила звонок и посмотрела на пустую тарелку. Котлеты... Я даже не открывала холодильник.

Ночь тянулась бесконечно. Пистолет лежал под подушкой. Я лежала на спине, глядя в потолок, и прислушивалась.

Каждый скрип половицы в соседней квартире заставлял сердце подскакивать к горлу. Каждый отдаленный звук в подъезде — сжимать пальцы на рукоятке под подушкой. Сосед сверху закашлял — я вскочила, наставив ствол на дверь. За окном завывала сигнализация чьей-то машины — я замерла, считая удары сердца.

Телефон неожиданно засветился в темноте. Сообщения от «ОН»:

«Сладких снов, малыш. Представляю, как ты лежишь в кроватке. Ты ведь одна сегодня? Мама ещё не приехала...»

«Ты такая красивая, когда спишь. Жаль, я не могу быть рядом этой ночью... Пока не могу».

Я не отвечала. Сжимала зубы и смотрела на экран, пока он не погас. А потом начиналось снова — скрип, звуки подъезда, и я вскакивала с пистолетом наизготовку.

Под утро я провалилась в сон, сама того не заметив.

Утро встретило меня серым смогом за окном и противной моросью. Выходной. Целый день свободы, который ощущался как приговор.

Я натянула старые легинсы, любимую растянутую толстовку с капюшоном, повязала волосы в хвост и вышла на

улицу. В нос ударил обычный запах — выхлопы, мокрый асфальт, курево. Но Битцевский парк встретил меня тишиной и влажной листвой под ногами. Здесь пахло по-другому. Свежо.

Я побежала. Сначала медленно, разминая затекшие мышцы, потом быстрее. Ноги сами несли меня по знакомой асфальтированной дорожке. Интересно, он сейчас здесь? Следит за мной?

Я остановилась у старой липы, уперлась руками в колени, восстанавливая дыхание. Шнурок на левом кроссовке развязался. Я присела на корточки, принялась завязывать. Выпрямляюсь, и в этот момент кто-то задевает меня плечом.

— Ой, извините! — мужской голос, запыхавшийся.

Я резко обернулась, но он уже бежал дальше, вглубь парка, сворачивая на лесную тропинку. Я успела заметить только легкую серую шапку на голове и широкую спину в темной куртке.

Сердце рухнуло вниз. Это был он? Следил? Ждал момента?

Я стала оглядываться по сторонам. Парк казался пустым. Только редкие мамочки с колясками и старушка с палками для скандинавской ходьбы.

Он будто затих. Ни сообщений, ни звонков. Это пугало больше всего.

После пробежки я зашла в маленькое кафе на первом этаже жилой высотки, рядом с парком. Название «Уют» не со-

ответствовало интерьеру — пластиковые столы, искусственные цветы в вазах и запах пережаренного масла. Но кофе здесь был приличный.

Я заказала американо и круассан, уселась у окна, наблюдая за редкими прохожими. Москва жила своей жизнью: куда-то спешили люди с маршрутки, девушка выгуливала крошечную собачонку в смешном комбинезоне, мужик в спецовке курил у подъезда, матеря кого-то по телефону.

Я уже доедала круассан, когда мимо окна с воем пронеслась скорая. Она остановилась метрах в ста от кафе, у входа в парк. Я увидела столпотворение — несколько человек, машина с мигалкой, носилки.

Сама не понимая зачем, я бросила на стол деньги и выбежала на улицу.

Подойдя ближе, я стала вглядываться в центр этого столпотворения.

И тут увидела его.

Тот самый бегун в серой шапке. Он лежал на носилках, и даже сквозь толпу я разглядела его лицо — опухшее, в крови, один глаз заплыл так, что не открывался. Рука лежала под неестественным углом. Врачи суетились вокруг, капельница, кислородная маска.

Кто-то из зевак шептался:

— Говорят, напали в парке... Избили до полусмерти... Какие-то изверги.

Я отшатнулась. Мне стало плохо.

Это он. Клим. Он видел, как этот бегун задел меня. Решил, что тот посмел ко мне прикоснуться. И наказал. Жестоко, по-зверски.

Значит, он следил за мной. Все это время. Даже когда я думала, что он затих, он был рядом. Смотрел. Ждал.

Я попятилась, врезалась спиной в какого-то мужика, извинилась и почти побежала прочь. К торговому центру. Подальше. В толпу. Где можно затеряться.

ТЦ «Атриум» гудел как улей. Я бродила по этажам без цели, заходила в магазины, смотрела вещи, но не видела ничего. Перед глазами стояло лицо того бегуна в крови.

Телефон молчал. Тот Тимур из спортзала мне не писал. Обещанного адреса не было.

Я достала телефон, нашла его контакт. Набрала сообщение: «Тимур, привет. Напомни адрес и время на сегодня».

Минута, две, пять — тишина.

Я позвонила. Гудки, гудки, и вдруг сонный, приглушенный голос:

— Да?...

— Тимур? Это Лана, из клуба. Мы вчера договаривались о тренировке на 18:00.

Пауза. Шорох. Кажется, он переворачивался на кровати.

— Лана... а, да... — зевок. — Извини, вчера загуляли с друзьями. У друга повышение, обмывали. Совсем вырубился.

— Ты обещал адрес скинуть. Уже почти вечер.

— Какой адрес?

Я сжала зубы, чтобы не выдать раздражения.

— Где мы будем тренироваться.

— А, ща... — еще пауза, шелест. — В общем, студия карате в Северо-Восточном округе. Скину адрес в сообщении. Давай только в 18:30, а то я проспал.

— Хорошо.

Я сбросила звонок и выдохнула. Он был пьян вчера? Какая разница. Главное — тренировка состоится.

Через минуту пришло сообщение с адресом. Я забила в навигатор: улица Абрамцевская, дом какой-то. Рядом с метро. Я пробила студию в интернете — обычный сайт, расписание занятий, фотографии зала с матами и грушами. Вроде прилично.

Возвращаться домой, переодеваться и ехать через всю Москву в час пик? Нет уж. Форма лежала в сумке, я всегда возила ее с собой. Машину решено было оставить на подземной парковке ТЦ. Во-первых, пробки сейчас жуткие. Во-вторых, надо менять маршруты, как советовали в интернете.

Я спустилась на парковку, оставила свою машину, переоделась в спортивную форму в туалете торгового центра и поехала на метро.

Студия нашлась быстро — цокольный этаж жилого дома, отдельный вход с торца. Около стойки администратора висело большое зеркало во всю стену, вдоль другой — стойка

с грушами и макиварами.

За стойкой сидела девушка-администратор, красила ногти и смотрела что-то в телефоне.

— Здравствуйте, я к Тимуру на тренировку.

— А, — девушка подняла глаза, лениво улыбнулась. — Тимур еще не пришел. Обычно опаздывает. Вы пока разомнитесь, если хотите.

Я кивнула, прошла в зал, села на мат и начала тянуть спину. Надо было чем-то занять мысли. Администраторша тоже вошла в зал, прикрыла окно.

— А Тимур давно у вас арендуете зал? — вскользь спросила я, делая вид, что просто поддерживаю разговор.

— Да всего месяц где-то, — ответила девушка. — Он тут почасово берет. Парень приятный, вежливый. Никогда проблем не создает. Девушки к нему чаще всего записываются, а как же.

Она хмыкнула, многозначительно глянув на меня. Я сделала вид, что не заметила.

Ровно в 18:40 дверь в зал открылась, и вошел Тимур.

Высокий, широкоплечий, в черной футболке, обтягивающей рельефные мышцы, и свободных штанах для единоборств. Волосы чуть влажные — видимо, быстро принял душ после пробуждения. Глаза уже не сонные, а цепкие, внимательные. Он окинул меня быстрым взглядом и коротко кивнул.

— Извини за опоздание. Бываю не пунктуален иногда. Не

привык к ранним тренировкам.

— Уже седьмой час вечера, — заметила я.

Он усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Для меня ранний. Ладно, давай работать. Покажи, что умеешь. Давай, попробуй меня ударить.

— В смысле?

— В прямом. Хочешь научиться защищаться — надо понять, как ты атакуешь. Ну, давай, не бойся. Бей в корпус.

Я неуверенно замахнулась, целясь куда-то в область солнечного сплетения. Он даже не шелохнулся, просто перехватил мою руку на подлете, сжал запястье стальным кольцом и легонько вывернул.

— Ай! — я дернулась.

— Больно? — он сразу отпустил. — Это первый урок. Любой твой удар будет перехвачен, если ты не знаешь, как правильно вкладывать вес. Ты бьешь как девушка — кистью, а надо всем телом.

Час пролетел незаметно. Тимур оказался жестким, но терпеливым учителем. Он показывал, как правильно ставить блок, как уходить с линии атаки, как бить локтем и коленом.

— Смотри. Если хватают за горло — вот так разворачиваешь корпус, — он встал сзади, положил руку мне на шею, но не сжимал, только обозначая захват. — И бьешь локтем назад, в солнечное. Поняла?

Я кивнула, чувствуя его дыхание у своего уха. От него пахло свежестью и чуть-чуть парфюмом — древесным, терп-

ким. Его тело было твердым, горячим, и когда он поправлял мою стойку, касаясь бедер или плеч, по коже бежали мурашки. Я отгоняла их, напоминая себе, что это просто тренировка.

— А если сзади обхватывают? Что делать?

— Тогда резко приседаешь и бьешь головой назад. В лицо. Если повезет — попадешь в нос, пойдет кровь, он рефлексивно отпустит. И сразу добой — ногой в пах или коленом, если успеешь развернуться.

Мы проработали этот прием раз десять. Тимур обхватывал меня, я приседала, била затылком (осторожно, почти не касаясь), он отпускал, я разворачивалась и имитировала удар коленом.

— Хорошо, — похвалил он после очередного повтора. — Схватываешь на лету. У тебя реакция отличная, волейбол сказывается.

— Ты знаешь про волейбол?

— Ты сама вчера говорила, что раньше играла профессионально.

— ...А, точно.

Я не помнила этого. Совсем. Но вчера я была дико уставшая. Может и обмолвилась...

Он отошел к окну, достал телефон, принялся что-то смотреть. Я стояла, тяжело дыша, вытирая пот с лица краем футболки. В зале было очень жарко.

И тут телефон в моей сумке завибрировал.

Я подошла, достала. Сообщение от «ОН».

«Ну как тренировка, малыш? Сильно устала? А тот мужик на пробежке тебя сильно напугал? Я его наказал. Больше не беспокоит».

Меня будто ледяной водой окатили. Я замерла, глядя на экран.

Подняла глаза на Тимура. Он стоял ко мне спиной, у окна, и смотрел в свой телефон. Широкие плечи, прямая спина, расслабленная поза.

Господи, неужели?... Нет. Не может быть. Он такой... нормальный. Красивый, умный, открытый. Девушки на него заглядываются. Как такой человек может быть маньяком в маске?

Подозрения закопошились в моей голове, выползая из темных уголков сознания.

И как удобно он тогда подошел к кулеру и заговорил про самооборону именно в тот момент, когда я рыдала на беговой дорожке от безысходности. Будто ждал. Будто знал, что я в отчаянии и ухвачусь за любую соломинку.

Я смотрела на его спину и пыталась сопоставить несовместимое. Рост у обоих был высокий. Телосложение... сложно было понять. Голос Тимура — низкий, приятный, грудной. Голос Клима — искаженный динамиком, механический, жуткий. Но если убрать искажение?...

Тимур отложил телефон, повернулся, подошел к бутылке с водой, сделал несколько глотков. Кадык дернулся на шее.

Мой телефон снова завибрировал.

«Ты чего молчишь, зайка? Я жду ответа. Или ты думаешь, что твой новый тренер симпатичнее меня?».

Я сжала телефон так, что тот чуть не выскользнул из силиконового чехла.

И тут — новое сообщение.

«Если ты хочешь, чтобы твой ненаглядный тренер сегодня не лег спать с трещиной в черепе, ты сейчас же собираешь вещи и едешь домой. Быстро».

Меня затрясло.

— Лан? — Тимур подошел ближе, вглядываясь в мое лицо. — Ты чего такая? Бледная вся. Плохо?

— Да... нет... — я судорожно сглотнула. — Голова что-то разболелась. Наверное, нагрузка непривычная. Мне, наверное, домой пора.

— Может, воды? Посидишь?

— Нет, правда, мне лучше поехать уже, — я уже запикивала вещи в сумку дрожащими руками. — Спасибо за тренировку. Деньги я уже перевела перед занятием.

— Подожди, — он нахмурился. — Я тебя отвезу. Ты же на метро приехала? Вечер уже, сама говорила, что боишься.

— Нет-нет, я сама.

— Эй, — он взял меня за плечо, разворачивая к себе. — Что случилось? Ты так резко переменилась в лице. Кто-то обидел?

Я посмотрела в его глаза. Темные, глубокие. Неужели он

мог писать эти жуткие сообщения минуту назад? Да нет... Они же приходили мне, когда он пил воду. Телефона в его руках не было.

— Нет, правда, все нормально. Просто... у меня есть один настойчивый ухажер. Он может быть опасен. Если он увидит тебя со мной... я боюсь за тебя.

Он усмехнулся. Усмехнулся, черт возьми!

— Знаешь, я работал телохранителем четыре года. Охранял людей, за которыми охотились всерьез. Поверь, я смогу за себя постоять. И за тебя, если надо.

— Понятно... Повезло, наверное, твоей девушке. У неё собственный телохранитель имеется.

Тимур никак не отреагировал на мою провокационную фразу, лишь криво усмехнулся, смотря себе под ноги.

— Давай, провожу хотя бы до метро. Или подвезу, если разрешишь.

Я колебалась. Страх за него боролся со страхом перед ним. Но его глаза... Они были такими открытыми. Такими спокойными.

— Хорошо. До метро проводи.

Мы вышли на улицу. Вечерняя Москва была очень атмосферной, хоть и веяли уже зимние ветра. Зажглись фонари, редкие прохожие спешили по домам после работы. Тимур шел рядом, прикрывая меня от ветра.

— Расскажешь про своего ухажера? — неожиданно спросил он, когда мы подошли к переходу.

— Не хочу в это впутывать посторонних.

— Я уже впутан. Я твой тренер. А тренер отвечает за свою подопечную.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но зазвонил его телефон. Он глянул на экран, поморщился, но ответил.

— Что?... Да, слышу... Нет, не приеду. Я занят... Провожу одну девушку до дома, пока она не научится вырубать с локтя... Ага, бывай.

Он сбросил звонок и широко улыбнулся мне.

— Друзья зовут опять тусоваться. Отказался.

— Зря. Я бы сама доехала.

— Не зря. Я обещал проводить.

У метро я остановилась.

— Спасибо. Дальше я сама.

— Уверена?

— Да. Тимур... насчет следующего занятия... Я напишу.

— Хорошо. Ты это... береги себя. И если что — звони сразу, не думая.

Он помялся немного, потом добавил:

— И вообще-то девушки у меня нет.

Он развернулся и пошел обратно, к студии. Я смотрела ему вслед, и в груди разливалось странное тепло.

Я тряхнула головой и нырнула в метро.

До ТЦ я доехала без приключений. Спустилась на подземную парковку — там было уже пустынно, лишь редкие ма-

шины и тусклый свет ламп. Моя Киа стояла в дальнем углу, под мигающей неоновой вывеской.

Я села в машину, завела двигатель, включила печку. В салоне было холодно. Включила тихую музыку — Земфира, старая песня, «Итоги». Откинулась на сиденье, посмотрела на себя в зеркало заднего вида.

Растрепанные волосы, покрасневшие щеки, глаза блещут. Но в них уже не тот затравленный ужас, что был вчера.

И вдруг.

В зеркале, за моим отражением, что-то шевельнулось.

Тень на заднем сиденье медленно поднялась, выросла, обретая форму. Я замерла, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд.

В зеркале появилась она. Будто материализовалась из моего кошмара.

Черно-белая маска с черными провалами глаз и рта. Вытянутая, жуткая. Маска Крика.

Она смотрела на меня пустотой. Я тоже смотрела на неё. Не отрываясь.

Из-за спины донесся скрежещущий, искаженный динамиком шепот:

— Привет, малыш. Скучала?

Глава 11

ЛАНА

Я закричала. Но звук застрял в горле, превратившись в беззвучный хрип. Пальцы судорожно вцепились в руль. Сердце пропустило удар, а потом бешено забилося, заглушая мысли.

В зеркале заднего вида, за моим собственным испуганным отражением, из темноты салона проступила она — белая маска с черными провалами глаз и рта. Она смотрела на меня пустотой, и эта пустота была страшнее любых глаз.

— Тсс, — прошелестел динамик за спиной, искажая голос до скрежета. — Не дергайся. Просто заведи машину и поезжай домой.

Я не могла пошевелиться. Тело превратилось в столб. В ушах зашумело.

Рука в черной перчатке медленно поднялась и легла на спинку моего сиденья, прямо у шеи. Я физически ощущала холод, исходящий от кожи, хотя он меня не касался.

— Ты меня слышишь? — голос стал жестче, стальным скрежетом прошелся по нервам. — Заводи машину. Поехали.

— ...Как ты здесь оказался? — еле выдавила я.

— У тебя есть десять секунд. Или мы останемся здесь. Надолго.

Двигатель уже работал. Я, не помня себя, нажала на газ. Машина дернулась и вылетела с парковочного места.

— Спокойнее, — его рука легла мне на плечо, сжала. — Никто не торопится. И ты не торопись.

Я вела машину, не видя дороги. Перед глазами все плыло. В голове билась одна мысль: «Он здесь. Он сидит у меня за спиной. В моей машине».

— Неплохой тренер, кстати, — вдруг сказал он, нарушая тишину салона. В голосе послышалась насмешка. — Этот брюнет. Красивый, да? Накачанный. Но мне кажется, он тебе не подходит.

Я молчала, вцепившись в руль.

— Ты ему понравилась, — продолжил он, и динамик противно захрипел. — Это плохо. Для него.

— Не трогай его, — выдохнула я, не узнавая собственный голос. Он стал тверже.

— О, заговорила, — он усмехнулся. — Не трогай, значит. А что ты мне дашь взамен, малыш?

Я прикусила губу, чувствуя во рту привкус крови.

Около моего подъезда я припарковалась, не глуша двигатель. Руки сильно вспотели. В зеркале заднего вида я видела только черный силуэт на заднем сиденье. Маска скрылась в тени.

— Ключи от машины, — приказал он, протягивая руку в

перчатке.

— Зачем? — прошептала я.

— Дай сюда.

Я молча протянула связку. Он ловко снял брелок от машины и бросил мне на колени остальные ключи.

— Вечером верну. Как раз будет повод зайти.

— Нет... Пожалуйста, не надо, — я развернулась, впервые за весь вечер посмотрев на него. В полумраке салона белая маска светилась призрачным пятном.

— Иди домой, Лана, — приказал он, игнорируя мою мольбу.

— Я не хочу, чтобы ты приходил.

В моих глазах стояли слезы.

Он медленно наклонился вперед, и в слабом свете уличного фонаря я увидела, как в его руке блеснуло лезвие ножа. Холодный металл легонько коснулся моей щеки.

— Я сказал, иди домой, — повторил он и мороз продрал по спине. — Или хочешь продолжить разговор здесь? Я не против.

Я дернулась от ножа, открыла дверь и вывалилась из машины. Побежала к подъезду, споткнулась, упала, ободрав ладони об асфальт. Вскочила, влетела в дверь, захлопнула за собой. В лифте меня трясло так, что зуб на зуб не попадал.

Влетев в квартиру, я заперлась на все замки, придвинула к двери тяжелый пуфик из прихожей. Потом, не раздеваясь, бросилась в комнату, сунула руку под подушку. Писто-

лет был на месте. Слава Богу.

Я села на кровать, сжимая его в руках, и разрыдалась. Слезы текли по щекам ручьями.

Это не Тимур. Точно не Тимур. Тимур провожал меня, а этот сидел в моей машине и ждал. Этот ублюдок следил за мной. И теперь у него ключи от моей машины.

Я посмотрела на часы. Половина десятого.

Не думая, что делаю, я схватила телефон и набрала Тимура.

Гудок. Второй. Третий.

— Да? — На фоне слышалась музыка, гул голосов, женский смех.

— Тимур, — выдохнула я, почему-то с облегчением. — Прости, что беспокою так поздно.

— Лана? Что случилось? — он сразу напрягся. Музыка стала тише — видимо, он отошел в другое место.

— Он... он был в моей машине. Сидел на заднем сиденье. Угрожал ножом, забрал ключи от машины. Сказал, что придет сегодня, чтобы вернуть их. Я... боюсь его.

— Твою мать, — выругался он. — Ты где сейчас? Дома?

— Да. Я заперлась. У меня пистолет.

— Пистолет? — в его голосе мелькнуло удивление, но он быстро взял себя в руки. — Лана, послушай. Я сейчас приеду. Сиди тихо, никому не открывай. Даже если он будет ломиться — стреляй. Просто стреляй. Это будет самооборонной.

— Тимур, нет! Не надо приезжать. Он убьет тебя! Он псих, он уже одного человека чуть не убил из-за меня!

— Лан, — он сделал паузу, шумно вздыхая. — Я работал в таких местах, где люди пострашнее твоего психа были. Я сейчас приеду. Скинь адрес в смс.

— Но у тебя там тусовка... Девушка зовет... — я вспомнила голос на фоне.

— Подождут, — отрезал он и сбросил звонок.

Я сидела на кровати, сжимая пистолет, и смотрела на дверь.

Тимур приехал через пятьдесят минут. Я впустила его, и первое, что он сделал — обошел всю квартиру, заглянул во все углы, на балкон, даже в ванную и туалет.

— Чисто, — констатировал он, вернувшись на кухню, где я сидела за столом, укутавшись в плед. Пистолет лежал передо мной.

Он сел напротив, посмотрел на оружие, потом на меня.

— Рассказывай.

Я молчала. Никак не могла начать.

— Лана. Я приехал среди ночи, бросив друзей. Я имею право знать, с кем или с чем мне придется иметь дело, охраняя твой сон этой ночью.

— Ты не обязан...

— Обязан. Ты же мне сама позвонила. Рассказывай.

И я рассказала. Все. С самого начала. Про записки уже

полгода, про слезку, про то, как он проникал в мою квартиру, про клуб, про мажора, который сейчас в реанимации, про бегуна в парке, которого избili до полусмерти, про маску. Про то, что он угрожает убить всех, кто мне дорог, если я пойду в полицию. Тимур слушал молча, не перебивая. Бровь была вздернута и желваки ходили на скулах.

Когда я закончила, на кухне повисла тяжелая тишина. За окном шумела ночная Москва, где-то вдалеке завывала сирена скорой.

— Я первый, кому ты это рассказываешь? — наконец спросил он. Не осуждающе, а как-то устало. — Почему никому не сказала?

— Он убьет их, — прошептала я. — Он угрожал. Я верю, что он сделает это. Он способен.

— А мне почему рассказала? — он посмотрел мне прямо в глаза.

Я встретила его взгляд. В них не было страха, только какая-то спокойная сила.

— Просто... ты показался мне тем, кому можно доверять. Но теперь я боюсь за тебя. Он видел нас сегодня. Он уже написал мне про тебя.

— Написал? — Тимур нахмурился. — Покажи.

Я протянула телефон. Он пролистал переписку, его лицо становилось все мрачнее.

— Значит так, — он вернул мне телефон. — С ним я разберусь, если сунется. А ты что думаешь делать дальше? Это

же не может продолжаться вечно.

— Я собираю доказательства, — я показала на папку с ноутбуком. — Все сообщения, скриншоты, записки. Хочу подать заявление, когда накопится достаточно. Чтобы его поймали и посадили.

Тимур криво усмехнулся.

— Посадили? Лан, ты статью УК читала? Ст. 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни. Там максимум — штраф или исправительные работы, если без отягчающих. Слежка, взлом — это до двух лет, но условно дадут, скорее всего. Угрозы убийством — там до двух лет, но тоже часто отделяются условкой. Чтобы посадить реально, нужно, чтобы он либо убил кого-то, либо нанес тяжкий вред здоровью. Пока он просто пугает тебя, это, как бы цинично это ни звучало, не повод для серьезного срока.

— Ты что, адвокат? — вспыхнула я. — Зачем ты это говоришь? Чтобы я опустила руки?

— Нет, — он подался вперед, глядя на меня в упор. — Чтобы ты понимала реальность. И чтобы не надеялась только на полицию. Им нужен мотив. Сильный мотив. Или труп. Я не хочу, чтобы этим трупом оказалась ты или кто-то из твоих близких.

— Замолчи! — я вскочила, сбрасывая плед. — Это ужасно! Ты говоришь ужасные вещи, Тимур!

— Прости, — он тоже встал, подошел ближе. — Прости. Я не хотел тебя напугать или обидеть. Я просто говорю как

есть. И хочу помочь тебе защититься по-настоящему. Одной самообороны недостаточно. Нужно понять, с кем мы имеем дело.

Я стояла, глядя на него, и чувствовала, как внутри все кипит. Злость, страх, отчаяние — эмоции переполняли.

— Я хочу спать, — глухо ответила я. — Устала.

— Иди. Я тут, на диване побуду. Если что — кричи сразу.

Я ушла в спальню, оставив дверь приоткрытой. Пистолет положила под подушку, как талисман. Долго ворочалась, прислушиваясь к звукам. Слышала, как Тимур ходит по квартире, как ложится на диван, как вздыхает.

Мы почти не разговаривали больше той ночью. Я ничего не сказала ему про пистолет под подушкой. Сказала, что положила его обратно в сейф. Наверное, зря. Но привычка доверять только себе въелась уже слишком слишком глубоко.

Утро ворвалось в комнату ярким солнечным светом. Я села на кровати, не сразу соображая, где вообще нахожусь. Потом все вспомнила, и сердце сжалось.

В квартире пахло кофе. И немного сигаретами. Наверное, соседи курили на балконе и весь шлейф отнесло сюда.

Я накинула халат и вышла в коридор. Дверь на кухню была закрыта, но сквозь матовый бежевый витраж были видны мелькающие тени. Голоса доносились приглушенно.

Я толкнула дверь.

В нос ударил сигаретный дым, смешанный с ароматом

свежесваренного кофе. Кухня была залита солнцем. Окно распахнуто настежь, легкий ветерок шевелил тюль.

За столом сидели двое. Тимур, в той же одежде, что и вчера, только без толстовки — видимо, скинул, пока спал. На нем была черная футболка, обтягивающая широкие плечи и рельефные мышцы рук. Он пил кофе и ухмылялся чему-то.

А напротив него сидела МОЯ МАМА.

В халате, с сигаретой в руке, с чашкой дымящегося кофе. И тоже улыбалась.

Я замерла на пороге, хлопая глазами.

— О, проснулась, соня! — мама повернулась ко мне с ленивой улыбкой. — А я вот приехала пораньше, Саше лучше стало. Захожу, а тут у тебя мужчина на диване спит! Я чуть инфаркт не получила! Чего не предупредила меня?

— Мам, это не то, что ты думаешь, — начала я, чувствуя, как краснею.

— Да я уже все поняла, — мама махнула рукой, затягиваясь. — Тимур мне все рассказал. Про то, что ты переживаешь, что у тебя проблемы на работе, что он твой тренер и решил подстраховать после того, как ты перенервничала вчера.

Я благодарно посмотрела на Тимура. Он чуть заметно подмигнул мне.

— Ага, — выдавила я. — Примерно так.

— Молодец какой, — мама снова повернулась к Тимуру, и в ее голосе явно слышались материнские нотки одобрения. — Не бросил девушку в трудную минуту. А то нынче мужи-

ки пошли — только себя и любят. Роли меняются в современных реалиях. А ты откуда сам, Тимур?

— Из Казани, — ответил он, слегка щурясь от солнечных лучей. — Но в детстве с родителями переехали в Сербию, там вырос.

— В Сербии? — мама аж сигарету в пепельницу положила от удивления. — Это ж как так?

— Отца по работе туда закинули, — Тимур пожал плечами. — Он военный был, потом в частную структуру перешел. Вот и мотались.

— А родители сейчас там?

— Да, остались. У нас не особо теплые отношения, честно говоря. Я вернулся, когда восемнадцать стукнуло. Хотел на родине пожить.

— Понимаю, — мама кивнула, задумчиво помешивая кофе. — Родина она одна.

Я молча слушала этот светский диалог, чувствуя себя лишней. Мама уже всю строила глазки симпатичному парню, а он отвечал ей с уважением и теплотой, которых я в нем раньше не замечала. Хотел понравиться ей зачем-то...

Телефон зазвонил. Вика.

— Ланка! — заорала она в трубку. — Я уже в Москве! Вчера приехала. Представляешь, права получила наконец-то! Отмечаем сегодня в баре! Ты как, со мной?

— Вик, я... — я посмотрела на маму, на Тимура. — Я не знаю. Наверное, нет.

— Чего это? — возмутилась подруга. — Я ради этого полгода училась!

Я прикрыла трубку рукой и обратилась к маме:

— Вика права получила. Зовет в бар отметить сегодня. Но это в Подмосковьё, в каком-то клубе за городом. Я не хочу. Там потом долго добираться, электричкой ночью, страшно.

Мама перевела задумчивый взгляд на Тимура.

— Тимур, а у тебя какие планы на сегодня?

— Да так, — он пожал плечами. — Пару тренировок проведу, вечер в целом свободен.

— Ну так чего же хорошему человеку пропадать? — мама прямо расцвела. — Съезди с Ланой. Развейтесь. И заодно приглядишь за ней, чтобы никто не обидел.

— Мам! — возмутилась я. — Не напрягай человека.

— А что такого? — мама даже бровью не повела. — Человек, может, и сам рад напрячься. Я, между прочим, не слепая.

Тимур усмехнулся, отпивая ещё кофе.

— Если Лана не против, я могу составить компанию.

— Ну вот и отлично! — мама хлопнула в ладоши. — А теперь, молодой человек, садитесь завтракать. Глазунью будете?

— С удовольствием, — кивнул он.

Я вышла из кухни, чувствуя, как в груди разгорается странное чувство. То ли ревность, то ли раздражение. Мама, кажется, уже готова была усыновить Тимура. Или выдать

меня за него замуж. Что ещё хуже.

Через час, когда Тимур ушел (договорившись заехать за мной в семь вечера), я зашла на кухню. Мама мыла посуду и что-то напевала.

— Мам, — начала я.

Она обернулась, и я, не дав ей сказать ни слова, подошла и крепко обняла ее. Уткнулась носом в плечо, вдохнула знакомый запах ее духов и сигарет.

— Я так скучала, мамуль. Я тебя очень люблю.

Мама замерла, потом неуверенно погладила меня по спине.

— Лан, ты чего? Случилось что?

— Нет, — я мотнула головой, чувствуя, как к глазам подступают слезы. — Просто соскучилась по тебе. Очень.

— Ну, заяц, — она обняла меня в ответ крепче. — Я же всего два дня отсутствовала.

— Это много, — прошептала я.

Мама отстранилась, заглянула мне в лицо.

— Может, мне почаще уезжать? Чтобы ты так бурно реагировала?

Я истерически рассмеялась, смахивая непрошенные слезы.

— Только если ты меня с собой брать будешь.

— Ой, Лан, — мама вздохнула. — Ты уже взрослая девочка. Сама скоро детей воспитывать будешь. Нельзя все время

за мамину юбку держаться.

— Поэтому ты мне этого Тимура так активно продвигаешь? Чтобы я побыстрее отпустила твою юбку?

— А что? — мама прищурилась. — Парень очень видный, воспитанный, с руками, с головой. И смотрит на тебя по-особенному. Заметила?

— Ой, мам, прекрати, — я закатила глаза. — Он мой тренер, и все. Мы познакомились в зале, а не на сайте знакомств.

— Ну-ну, — хмыкнула она и вернулась к посуде. — Иди уже собирайся. На работу свою опоздаешь.

— ...Мам, я возьму твою машину?

— А что с твоей не так?

— Там просто что-то трещало в капоте, я отвезла её в ремонт.

— А, конечно бери.

В фитнес-клубе меня встретила Ксюша. Вид у нее был загадочный и слегка испуганный.

— Лан, там Алексей Львович тебя ждет. В кабинете. Сказал, как появишься — сразу к нему.

— Что-то случилось?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Но вид у него был... сама знаешь какой. Недовольный.

Я вздохнула и пошла к начальнику.

Алексей Львович сидел в своем кресле, поигрывая ручкой. При моем появлении он плотоядно улыбнулся.

— Ланочка, проходи, присаживайся.

Я осталась стоять.

— Я постою. Что-то случилось?

— Случилось то, — он откинулся на спинку кресла, — что я вынужден поставить вопрос о твоём увольнении.

У меня внутри все оборвалось.

— ...Что? За что?

— За что? — он усмехнулся. — Ты в последнее время работаешь из рук вон плохо. Клиенты уходят, жалуются на твою рассеянность. Ты опаздываешь, выглядишь замученной. Мне такой тренер не нужен.

— Я исправлюсь, — пообещала я, чувствуя, как холодеют руки. Эта работа была всем, что у меня оставалось. — Дайте мне шанс.

— Шанс? — он встал, обошел стол и приблизился ко мне.

— Шанс, Ланочка, надо заслужить.

Он положил руку мне на талию. Я дернулась, но он сжал сильнее.

— Ты же умная девочка. Должна понимать, что я могу решить этот вопрос. Если мы договоримся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.